

ИСТОРИЧЕСКАЯ РОССИЯ

Сезон 15

«ВТОРОЙ ЯЗЫК»

Александра Венглинская

Сезон 15 · материалы № 166–177 из 233 · цикл II

СОДЕРЖАНИЕ

1. Пять республик должны были войти в РСФСР
2. Язык республики знала половина аппарата
3. Десять волостей оставили на пересмотр
4. Около семидесяти народов получили новый алфавит. Потом его заменили
5. Второго секретаря присылали из Москвы
6. Двадцать три академика в ноябре сорок третьего
7. Шесть миллионов тонн требовали сверху. Проверяли снизу
8. Четыре с половиной года стали двенадцатью
9. Двадцать два года закончились одним пленумом
10. Они не брали власть. Они вошли в Советы
11. Вторая строка протокола
12. Две трети от всего списка. Армения взяла девяносто четыре процента

Пять республик должны были войти в РСФСР

№ в серии: 166 из 233 · № в сезоне: 1 из 12 · Сезон: 15 «Второй язык» · Часть: I «Сборка» ·
Дзен: 10.08.2027 · ЖЖ: 10.08.2027 · Заставка: s15_01.png · Теги: Историческая Россия, Второй язык, СССР, образование СССР, автономизация, федерация

Десятого августа тысяча девятьсот двадцать второго года Политбюро поставило вопрос об отношениях РСФСР с независимыми республиками. На следующий день Оргбюро создало комиссию с Иосифом Сталиным. Ей поручили подготовить форму отношений к пленуму.

В комиссии работали Валериан Куйбышев, Серго Орджоникидзе, Христиан Раковский, Григорий Сокольников и представители республик.

Само наличие комиссии важно. Летом речь шла не о провозглашении готового Союза, а о выборе юридической конструкции, которую ещё предстояло провести через партийные и советские органы.

К этому моменту Украина, Белоруссия, Азербайджан, Армения и Грузия существовали не как области РСФСР. Их отношения с Москвой уже оформлялись договорами и соглашениями.

Значит, задача состояла не в том, объединять ли вообще. Общие военные, дипломатические и хозяйственные связи уже работали. Спор шёл о том, как их оформить государственно.

ПЕРВЫЙ ВАРИАНТ

Сталин подготовил проект, известный как план автономизации. Украина, Белоруссия, Азербайджан, Грузия и Армения должны были формально войти в РСФСР.

Второй пункт делал решения ВЦИК РСФСР обязательными для центральных органов республик. Решения Совнаркома и СТО РСФСР становились обязательными для объединённых наркоматов.

Иностранные дела, внешняя торговля, военное ведомство, пути сообщения, почта и телеграф объединялись с соответствующими органами РСФСР.

Финансы, продовольствие, труд и народное хозяйство республик подчинялись директивам соответствующих российских наркоматов.

Юстиция, просвещение, внутренние дела, земледелие, здравоохранение и социальное обеспечение сохранялись как самостоятельные республиканские ведомства.

Это была не ликвидация всякого республиканского аппарата. Но верхним государственным каркасом проекта оставалась РСФСР, внутри которой должны были войти остальные.

Мотив этого решения я не устанавливаю. Документ показывает способ унификации аппарата, но не позволяет приписать автору скрытое намерение уничтожить республиканскую государственность.

РЕСПУБЛИКИ ОТВЕЧАЮТ

Пятнадцатого сентября ЦК Компартии Грузии отверг предложенную форму. Он считал автономизацию преждевременной и требовал сохранить атрибуты независимости.

Азербайджанский и армянский ЦК проект поддержали. Белорусский ЦК высказался за сохранение договорных отношений с РСФСР.

Украинский ЦК проект в этой стадии не обсуждал. Уже эти четыре реакции не дают свести спор к простой схеме «Москва против республик».

Двадцать третьего и двадцать четвёртого сентября комиссия заседала под председательством Вячеслава Молотова. Проект Сталина получил большинство.

По второму пункту голосование особенно показательно: Буда Мдивани был против, Григорий Петровский воздержался, большинство поддержало обязательность решений РСФСР.

Комиссия одновременно отвергла позицию грузинского ЦК. На этом уровне автономизация действительно стала рабочим вариантом партийного решения.

Но это ещё не было ни решением Политбюро, ни постановлением пленума, ни законом. Именно здесь часто исчезает одна ступень, а вместе с ней меняется смысл всей истории.

ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЕ СЕНТЯБРЯ

Материалы комиссии направили Владимиру Ленину в Горки. Письмо Льву Каменеву автограф датирует двадцать седьмым сентября, регистрационная запись — двадцать шестым.

В первой строке Ленин точно назвал предмет: резолюция комиссии о «вхождении независимых республик в РСФСР».

Дальше он предложил изменить сам принцип первого пункта. Не республики входят в РСФСР, а РСФСР и республики вместе входят в новое союзное образование.

Ленин подчёркивал равноправие сторон. Российская республика в этой схеме переставала быть контейнером для остальных и становилась одним из участников нового Союза.

Он предложил и новый верхний этаж — союзный Центральный исполнительный комитет, отдельный от ВЦИК РСФСР.

Объединённые наркоматы должны были стать не российскими, а союзными. Формально это уже другая архитектура, даже если управленческая централизация сохранялась.

Сталин, по ленинскому письму, к этому моменту уже согласился заменить «вхождение» формулой объединения в Союз советских республик.

Поэтому соблазнительная деталь о том, что Ленин «разгромил сталинский проект на голосовании», не проходит. Такого зафиксированного поимённого столкновения я не нашла.

Документы показывают другое: проект комиссии был изменён до окончательного решения, причём его первоначальный автор участвовал в переработке.

ПЛЕНУМ

Шестого октября пленум ЦК рассматривал уже изменённую схему. Ленин из-за болезни на заседании не присутствовал.

Постановление исходило из договора между РСФСР, Украиной, Белоруссией и Закавказской федерацией об объединении в Союз Советских Социалистических Республик.

За каждой республикой сохранялось право свободного выхода. Высшим органом становился союзный ЦИК из представителей республик.

Исполнительным органом должен был стать союзный Совнарком. Наркоматы иностранных дел, внешней торговли, военных дел, путей сообщения, почт и телеграфов объединялись на союзном уровне.

Финансы, продовольствие, народное хозяйство, труд и рабоче-крестьянская инспекция подчинялись союзным директивам.

Юстиция, просвещение, внутренние дела, земледелие, здравоохранение и социальное обеспечение оставались в ведении республик.

Функционально центр получал очень много. Контрдовод серьёзен: в повседневном управлении разница между схемами могла казаться заметно меньше юридической.

Партийная вертикаль оставалась общей. Ключевые хозяйственные и силовые функции централизовались. Из одного этого нельзя делать картину рыхлой конфедерации.

Но и обратное сокращение неверно. Если вместо одной республики с автономиями создаётся Союз республик с собственными высшими органами, это не редакционная правка.

Здесь же надо отвести самую ходовую формулу этого сюжета: будто Ленин разгромил сталинский проект на голосовании.

Зафиксированного поимённого голосования «Ленин против Сталина» по этой развилке я не нашла. Переписка показывает другое: ключевую

формулу Сталин согласился заменить до окончательного решения пленума.

Драматургия столкновения двух волей здесь есть в позднейших пересказах. В документах есть замена конструкции, произведённая до заседания.

ГРУЗИНСКИЙ УЗЕЛ

Грузинская линия не закончилась сентябрьским голосованием. Здесь важно не смешивать два разных спора, которые часто сливаются в один.

Мдивани сначала возражал против автономизации. После октябрьского решения спор пошёл уже о другом: должна ли Грузия входить в Союз непосредственно или через Закавказскую федерацию.

Серго Орджоникидзе проводил линию Закавказского крайкома. Конфликт с группой Мдивани дошёл до отставок членов грузинского ЦК и жалоб в Москву.

Двадцать пятого ноября Политбюро направило в Грузию комиссию Феликса Дзержинского. В неё вошли также Дмитрий Мануильский и Викентий Мицкевич-Капсукас.

Двенадцатого декабря Дзержинский доложил Ленину результаты поездки. Позднее Ленин резко критиковал обращение Орджоникидзе с грузинскими оппонентами и выводы комиссии.

Тридцатого и тридцать первого декабря Ленин диктовал записки «К вопросу о национальностях или об автономизации».

Эти записки подтверждают его неприятие великодержавного администрирования. Но протоколом сентябрьского спора они быть не могут: написаны позже, после грузинского конфликта.

Открытая развилка остаётся здесь принципиальной. Я не установила документа, который позволял бы свести первоначальную автономизацию к личной враждебности Сталина к республикам.

Установлено другое: в сентябре он предложил конкретный административно-государственный механизм, а после ленинских

возражений согласился на иной юридический каркас.

НОВЫЙ ЭТАЖ

Двадцать первого ноября комиссия ЦК уже обсуждала порядок объединения республик в единое союзное государство — Союз ССР.

В декабре проект прошёл через республиканские съезды и партийный пленум. Тридцатого декабря в Москве собрался Первый съезд Советов СССР.

Доклад об образовании Союза делал Сталин — тот же человек, с чьим именем связан сентябрьский проект автономизации.

Съезд утвердил Декларацию и Договор. Учредителями выступили РСФСР, Украинская ССР, Белорусская ССР и Закавказская Социалистическая Федеративная Советская Республика.

В итоговом договоре Россия не поглотила остальные республики. Она вошла вместе с ними в новый субъект, которому передавалась часть полномочий.

Это не отменяло централизации. Но юридический субъект был выбран иной: не расширенная РСФСР, а Союз республик.

Поэтому функция спора устанавливается достаточно точно. В тысяча девятьсот двадцать втором выбирали форму общего государства, и первоначальная форма была реально заменена другой.

Причинной стрелки дальше я не рисую. Почему эта конструкция спустя десятилетия дала последствия, которых авторы могли не предусматривать, — предмет других материалов сезона.

Но первый вопрос уже оплачен документами. Если в августе на столе лежало вхождение республик в Россию, почему в декабре Россия сама вошла вместе с ними в Союз?

Первый материал сезона «Второй язык», всего 12.

В следующий раз — кадровая программа: зачем государству понадобился аппарат, говоривший с республикой на её языке.

Язык республики знала половина аппарата

№ в серии: 167 из 233 · № в сезоне: 2 из 12 · Сезон: 15 «Второй язык» · Часть: I «Сборка» ·
Дзен: 12.08.2027 · ЖЖ: 12.08.2027 · Заставка: s15_02.png · Теги: Историческая Россия, Второй язык, коренизация, украинизация, белорусизация, национальная политика

С шестого по восьмое октября тысяча девятьсот двадцать четвёртого года Влас Чубарь докладывал пленуму ЦК КП(б)У об украинизации. Из пятисот девяноста девяти обследованных ответственных работников украинский язык знали триста два.

И сам Чубарь тут же оговорил качество этого знания. У большинства язык, по его выражению, лишь не был «китайской грамотой».

Центральный аппарат республики существовал уже несколько лет. Половина обследованных руководящих работников всё ещё не могла уверенно работать на языке большинства населения.

Это и есть предмет материала. Не национальное чувство как объяснение, а государственный аппарат и задача, которую ему поставили.

АПРЕЛЬ

Двадцать третьего апреля тысяча девятьсот двадцать третьего года Иосиф Сталин сделал на Двенадцатом съезде РКП(б) доклад о национальном вопросе.

Двадцать пятого апреля съезд принял резолюцию. В ней была перечислена не культурная программа вообще, а конструкция управления.

Органы национальных республик предлагалось строить преимущественно из местных людей, знающих язык, быт, нравы и обычаи соответствующих народов.

Отдельно требовалось принять законы, обеспечивающие употребление родного языка в государственных органах и учреждениях, обслуживающих местное население.

Смысл был сформулирован там же: преодолеть фактическое неравенство, которое сохранялось после провозглашённого юридического

равноправия народов.

Мотив целиком из этой формулы я не вывожу. В документе одновременно стоят политика равенства, борьба с великорусским шовинизмом и задача приблизить аппарат к населению.

Но управленческая функция установлена прямо. Государственный орган должен быть понятен тому, кем он управляет.

С девятого по двенадцатое июня в Москве прошло Четвёртое совещание ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей.

Десятого июня Сталин докладывал уже не принцип, а практические мероприятия. Двенадцатого совещание приняло резолюцию об исполнении решений съезда.

На этой ступени коренизация перестаёт быть словом. Она раскладывается на кадры, язык государственного аппарата, школу, печать и подготовку местных работников.

УКРАИНА

Первого августа тысяча девятьсот двадцать третьего года ВУЦИК и Совнарком Украинской ССР приняли постановление о равноправии языков и содействии украинскому языку.

Центральные учреждения должны были переходить на украинское делопроизводство. Местные органы обязаны были учитывать язык большинства населения своей территории.

Гражданин получал возможность обращаться в государственный орган на своём языке и получать ответ на языке обращения.

Но через год Чубарь показал, насколько далеко нормативный текст ушёл вперёд от аппарата.

Он перечислил нехватку подготовленных работников, несовершенные словари, слабую подготовку преподавателей и недостаток учебников.

Ещё хуже было с руководящим слоем. Низовые служащие осваивали язык быстрее начальников, а серьёзные доклады продолжали готовить

через переводчиков.

Чубарь сформулировал задачу предельно функционально: язык должен стать понятным большинству населения, чтобы через него вести работу в массах.

Здесь я ставлю границу. Из этой фразы следует способ управления. Из неё не следует, что культурный результат был только прикрытием и никого не интересовал.

Тридцатого апреля тысяча девятьсот двадцать пятого года ВУЦИК и Совнарком потребовали завершить перевод советского аппарата на украинское делопроизводство.

Срок назначили на первое января следующего года. Проверять исполнение должна была Рабоче-крестьянская инспекция.

К этому времени Эммануила Квинринга во главе республиканской партии сменил Лазарь Каганович.

Государственную комиссию по украинизации аппарата возглавлял Чубарь. В партийной работе участвовали Николай Скрыпник и Александр Шумский.

Христиан Раковский к тому времени уже не руководил Совнаркомом республики, но именно при нём начиналось оформление курса после решений Двенадцатого съезда.

Григорий Петровский оставался председателем ВУЦИК.

БЕЛОРУССИЯ

Пятнадцатого июля тысяча девятьсот двадцать четвёртого года вторая сессия ЦИК Белорусской ССР приняла постановление о практических мероприятиях национальной политики.

Среди проводников курса были председатель ЦИК Александр Червяков и нарком просвещения Всеволод Игнатовский.

Программа включала белорусский язык в образование, подготовку преподавателей, издательское дело и перевод государственного аппарата.

Одновременно ставилась кадровая задача: выдвигать на ответственную партийную, советскую, профессиональную и общественную работу белорусов.

Внутри одного постановления снова соединены язык и человек, который на нём работает.

Это важно для проверки украинского случая. Если бы речь шла только об особой уступке Киеву, белорусская конструкция не должна была бы повторять её почти теми же инструментами.

К тысяча девятьсот двадцать восьмому году около восьмидесяти процентов школ республики вели обучение на белорусском языке.

И это сильный контрдовод моему узлу. Политика не просто делала аппарат понятным населению — она выращивала национальную школу, литературу и кадровую среду.

Поэтому формулу «коренизация была только административной технологией» я отвожу. Документы такого сужения не позволяют.

Но не проходит и обратная формула — будто центр лишь уступил уже готовому национальному требованию.

Решения принимали партийные и государственные органы, сроки назначали сверху, кадры считали, язык делопроизводства предписывали, исполнение проверяли комиссиями.

ПОВОРОТ

Двадцать четвёртого января тысяча девятьсот тридцать восьмого года Оргбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление о ликвидации национальных школ и национальных отделений в школах.

В тот же день отдельным решением ликвидировались национальные районы и сельсоветы. Институциональная рамка двадцатых годов явно сокращалась.

Тринадцатого марта Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей.

Документ подписали Вячеслав Молотов и Иосиф Сталин.

Русский язык объяснялся как средство связи между народами Союза, доступа к науке и технике и подготовки к службе в Красной армии.

Это уже другая задача сборки. Не только аппарат должен говорить с местным населением; население должно получить общий язык для работы внутри всего государства.

Но здесь находится соблазнительная деталь, которую я не провожу.

Фраза «в тысяча девятьсот тридцать восьмом национальную школу перевели на русский язык» слишком удобна и документу противоречит.

Мартовское постановление отдельно предупреждало: родной язык остаётся основой преподавания, а превращать русский из предмета изучения в язык преподавания неправильно.

Значит, поворот был реальным, но не таким простым, как его часто рисуют. Общий язык усиливали, не отменяя одной строкой титульные языки республик.

ЧТО ИМЕННО ПОСТРОИЛИ

Четыре проверки дают одну конструкцию.

В апреле тысяча девятьсот двадцать третьего года центр потребовал местный кадр и местный язык. На Украине это превратили в язык делопроизводства и кадровую проверку.

В Белоруссии тот же принцип связал аппарат, школу и выдвижение национальных работников. Через пятнадцать лет центр добавил обязательный общий язык и сократил часть отдельных национальных институтов.

Функция менялась вместе с задачей государства.

Сначала требовалось сделать власть своей и понятной после имперского распада и гражданской войны. Позже — связать выросшие республиканские системы общим языком.

Причинной стрелки от первой конструкции к национализму конца советского периода я не рисую. Для неё нужны другие документы и

другой временной ряд.

Не знаю я и главного количественного ответа: сколько работников союзного и республиканского аппарата реально владели местными языками по всему СССР.

Сводного сопоставимого подсчёта я не установила. Есть республиканские обследования, ведомственные отчёты и отдельные годы — общего счёта нет.

Поэтому число Чубаря остаётся тем, чем оно было в его докладе: снимком одного аппарата в один момент, а не статистикой всего Союза.

Если в тысяча девятьсот двадцать четвёртом году из пятисот девяноста девяти ответственных работников украинский знали триста два, какую именно проблему решала коренизация — национального чувства или управляемости государства?

Второй материал сезона «Второй язык», всего 12.

В следующий раз — линии на карте Средней Азии: кто в тысяча девятьсот двадцать четвёртом году проводил административные границы, которые через семьдесят лет стали государственными.

Десять волостей оставили на пересмотр

№ в серии: 168 из 233 · № в сезоне: 3 из 12 · Сезон: 15 «Второй язык» · Часть: I «Сборка» ·
Дзен: 14.08.2027 · ЖЖ: 14.08.2027 · Заставка: s15_03.png · Теги: Историческая Россия, Второй язык, Средняя Азия, национальное размежевание, Ферганская долина, границы

Двадцать пятого сентября тысяча девятьсот двадцать четвёртого года Политбюро утвердило проект размежевания Средней Азии.

Десять волостей вокруг Ташкента и Мирзачуля из решения исключили.

Исаак Зеленский внёс предложения от Среднеазиатского бюро. По спорным волостям велели отдельно вызвать киргизских и узбекских работников и продолжить разбор.

Это важнее готовой карты. Граница не была одной линией, проведённой одним человеком. Она собиралась из спорных участков, и по каждому работали комиссии.

Через семьдесят лет часть этих административных линий станет государственной границей.

С ЧЕГО НАЧАЛИ

Двенадцатого июня Политбюро приняло за основу проект Среднеазиатского бюро от второго июня. Туркестан, Бухара и Хорезм должны были уступить место национальным образованиям нового типа.

Создавались Узбекская и Туркменская республики. Киргизские районы Туркестана присоединялись к Киргизской республике. Здесь нужна переводческая оговорка длиной в абзац.

В документах того времени «киргизами» называли прежде всего казахов. Нынешние кыргызы проходили как «кара-киргизы».

Поэтому спор о Ташкенте в тысяча девятьсот двадцать четвёртом — не спор нынешних Узбекистана и Кыргызстана.

Кара-Киргизскую автономную область проектировали отдельно, с непосредственным вхождением в РСФСР.

Таджикское образование первоначально предполагалось автономным внутри Узбекской республики.

И ещё один пункт. Границы должна была определить территориальная комиссия из представителей узбеков, киргизов, туркмен, кара-киргизов и таджиков.

Окончательный план комиссия обязана была вернуть в Политбюро. Это административная конструкция с двумя этажами: местные представители готовят линию, центр утверждает.

Мотив каждого участника я не устанавливаю. Но процедура видна по протоколам.

ТАШКЕНТ

Ташкент оказался первым узлом, где этнография столкнулась с функцией города.

Султанбек Ходжанов, Санджар Асфендияров и другие казахские работники предлагали иной проект всего размежевания.

Они выступали за среднеазиатскую федерацию и считали отделение частей региона рассечением единого хозяйственного организма. По Ташкенту их аргумент был не только национальным.

Город обслуживал степные районы как рынок, административный центр и железнодорожный узел.

Представитель туркмен Непес Айтаков рассуждал сходно: принадлежность города следует определять не только по населению внутри городской черты, но и по тому, кого город обслуживает.

Средазбюро ещё в мае оставило Ташкент проектируемому Узбекистану. Двенадцатого июня это решение повторило Политбюро. Но спор не исчез.

Двадцать пятого сентября десять волостей вокруг Ташкента и Мирзачуля вернули на дополнительное рассмотрение. Одиннадцатого октября вопрос снова пришёл в Политбюро.

За столом были Валериан Куйбышев, Ян Рудзутак, Лазарь Каганович, Григорий Сокольников, Иосиф Варейкис, Валерий Межлаук и Георгий Чичерин.

Там же участвовали Файзулла Ходжаев, Султанбек Ходжанов, Сейткали Мендешев, Абдулло Рахимбаев и Непес Айтаков.

Прежнее решение оставили в силе: Ташкент отходил Узбекской республике.

Одновременно разрешили при необходимости разместить в Ташкенте административный центр близлежащих районов Киргизской республики.

Линию провели. Функцию города попытались не обрубить вместе с линией.

ВОДА

Ещё показательнее следующий пункт того же заседания. Политбюро создало специальный среднеазиатский орган управления водным хозяйством.

Он подчинялся союзному Совету труда и обороны и должен был работать поверх новых республиканских границ. Причина в самом устройстве региона.

Канал, река и оросительная система не заканчиваются там, где комиссия поставила административную черту. Граница могла быть национальной. Вода оставалась общей.

Это сильный контрдовод против простой версии о механическом «разрезании» Средней Азии.

Те, кто проводил линии, одновременно создавали органы, которые должны были связывать разрезанные хозяйственные системы обратно.

Значит, проблему видели. Решили ли её правильно — другой вопрос.

КАРА-КИРГИЗСКАЯ ОБЛАСТЬ

Четырнадцатого октября ВЦИК оформил выход кара-киргизских районов из Туркестанской АССР. Из них создавалась Кара-Киргизская автономная

область в составе РСФСР.

В предварительных материалах ей отдавали Ошский и Джалал-Абадский уезды, Каракольский и Нарынский уезды, часть Пишпекского и горные районы.

Это уже каркас территории нынешнего Кыргызстана. Но статус ещё изменится не раз. Через несколько месяцев слово «кара» уберут из названия.

Затем область станет автономной республикой, а в тысяча девятьсот тридцать шестом — союзной республикой.

Поэтому формулу «современную границу Кыргызстана нарисовали в один день в тысяча девятьсот двадцать четвёртом» я отвожу.

В тот год создали основу. Дальше шли уточнения статуса и линии.

ТАДЖИКСКАЯ КОМИССИЯ

Первого октября Таджикская территориальная комиссия заседала в Москве. В протоколе три фамилии: Имамов, Ходжирахматулла и Ходжибаев.

Комиссия перечислила территории, которые считала таджикскими по преобладанию населения. В список вошли Пенджикент, Ура-Тюбе и целый набор ферганских волостей.

Среди них — Канибадамская, Исфаринская, Сохская, Аштская и другие. Сам Ходжибаев оставил особое мнение.

Он считал присоединение ферганских таджиков преждевременным: создаваемая автономия могла не справиться одновременно с Восточной Бухарой и новым массивом территорий.

Это редкая деталь. Даже внутри национальной комиссии спор шёл не только о том, где живёт «свой» народ, но и о способности новой администрации территорией управлять.

Одиннадцатого октября Политбюро повысило проектируемый таджикский статус: вместо автономной области — автономная республика внутри Узбекистана.

Но список первого октября не стал картой целиком.

Часть ферганских требований не прошла. В последующие годы границы снова менялись. Таджикская ССР появится только в тысяча девятьсот двадцать девятом.

ФЕРГАНА

Именно здесь позднейший миф особенно соблазнителен.

Берут современную карту с анклавами и говорят: её в таком виде нарисовал Сталин в тысяча девятьсот двадцать четвёртом. Документы этого не позволяют.

Сталин участвовал в принятии общей политической конструкции и получал материалы Средазбюро.

Но конкретные линии обсуждали территориальные комиссии, местные делегации, Средазбюро, комиссия Куйбышева и Политбюро.

А главное — линия продолжала меняться после двадцать четвёртого года.

Современные Сох, Ворух и другие ферганские анклавы нельзя честно вывести из одного заседания и одной карты.

Их конфигурация складывалась через последующие межреспубликанские переделы, уточнения и землеустроительные решения.

Отбитая деталь здесь именно эта: одного «сталинского карандаша» не было.

Была бюрократическая машина, в которой разные национальные и хозяйственные интересы сводили в одну административную карту.

ЧТО СТАЛО ГОСУДАРСТВЕННЫМ

Двадцать седьмого октября ЦИК СССР юридически закрепил результат размежевания.

Узбекская и Туркменская республики получали союзный статус. Кара-Киргизская область оставалась в РСФСР. Таджикская автономия входила

в Узбекистан. Но карта ещё не застыла.

Таджикистан станет союзной республикой позже. Кыргызстан и Казахстан получают союзный статус в тысяча девятьсот тридцать шестом.

Каракалпакская автономия несколько раз сменит подчинение. Отдельные участки границ будут пересматриваться и после войны.

Поэтому причинную стрелку от одного решения тысяча девятьсот двадцать четвёртого к каждому нынешнему пограничному конфликту я не рисую. История длиннее.

Но функция первого решения установлена. Внутри одного государства административная граница могла быть неудобной и спорной, не становясь государственной стеной.

Двадцать первого декабря тысяча девятьсот девяносто первого года участники Алма-Атинской декларации признали территориальную целостность друг друга и нерушимость существующих границ.

Вот тогда старые внутренние линии получили другую функцию. То, что в двадцатые годы делили комиссиями внутри общего хозяйства, стало разделять суверенные государства.

В тысяча девятьсот двадцать четвёртом Политбюро оставило десять волостей на пересмотр, потому что линия ещё была административной.

Кто мог тогда знать, что однажды именно такие линии перестанут быть внутренними?

Третий материал сезона «Второй язык», всего 12.

В следующий раз — буквы: почему одна и та же власть сначала переводила письменности народов СССР на латиницу, а затем — на кириллицу.

Около семидесяти народов получили новый алфавит. Потом его заменили

№ в серии: 169 из 233 · № в сезоне: 4 из 12 · Сезон: 15 «Второй язык» · Часть: I «Сборка» ·
Дзен: 16.08.2027 · ЖЖ: 16.08.2027 · Заставка: s15_04.png · Теги: Историческая Россия, Второй язык, латинизация, кириллица, новый алфавит, языковая политика

Тридцатого июня тысяча девятьсот тридцать четвёртого года Газанфар Мусабеков отправил Андрею Жданову записку о работе Всесоюзного центрального комитета нового алфавита.

В ней был итог: переход в основном завершён примерно у семидесяти народностей с населением до двадцати миллионов человек.

Через четыре года тот же государственный аппарат уже переводил письменности с латиницы на русскую графическую основу. Обе операции проводила одна страна.

Значит, вопрос не в том, какая буква считалась «правильной», а какую задачу буква должна была решать.

ДО КОМИТЕТА

История началась не с московского приказа. В Азербайджане и на Северном Кавказе движение за переход от арабской письменности к латинской началось в первой половине двадцатых годов.

Самед Ага Агамалы-оглы возглавил азербайджанский комитет нового алфавита. Баку стал первым крупным полигоном новой графики.

Двадцать шестого февраля тысяча девятьсот двадцать шестого года там открылся Первый Всесоюзный тюркологический съезд.

Восемнадцатого февраля Политбюро заранее определило линию коммунистической фракции съезда. Съезд должен был выяснить возможность перехода на латинский шрифт, но не принимать категорического решения о немедленном переходе.

И постоянно действующий всесоюзный орган после себя оставлять не должен был.

То есть формула «Бакинский съезд приказал всем перейти на латиницу» документу противоречит. Центр в этот момент, наоборот, оставлял республикам решение о мере и форме перехода.

Но уже через год оказалось, что децентрализация создаёт другую проблему.

РАЗНЫЕ БУКВЫ ОДНОЙ ЛАТИНИЦЫ

Не позднее двадцать восьмого февраля тысяча девятьсот двадцать седьмого года Семён Диманштейн подготовил записку в ЦК. Она ценна тем, что фиксирует не победную картину, а разногласия.

Против государственного всесоюзного комитета выступали представители Туркменистана, Татарии, Крыма и Киргизии. От Узбекистана Акмаль Икрамов был против, а Файзулла Ходжаев — за.

Джелал Коркмасов из Дагестана предпочитал общественный комитет при достаточной государственной поддержке. Зато большинство участников признало необходимость единого научного руководства.

Причина была технической. Республики меняли и добавляли буквы каждая по-своему; Диманштейн даже зафиксировал случаи переворачивания знаков.

Книга, наборная машина, телеграф и школьный букварь требуют не просто латиницы, а согласованного стандарта.

Двадцать восьмого февраля Оргбюро решило создать в Баку Всесоюзный комитет по введению нового тюркского алфавита с представительством в Москве.

Председателем наметили Агамалы-оглы. Состав ограничили тридцатью членами от тюркских республик и автономных областей.

Во временный президиум вошли Файзулла Ходжаев, Непес Айтаков, Семён Диманштейн, Санджар Асфендияров и другие. В обсуждении участвовали Вильгельм Кнорин, Турар Рыскулов, Кульбешеров и Назиров.

Диманштейн отдельно указал: предложения согласованы с Яном Рудзутаком. Это уже не кампания за красивую букву.

Это производство совместимой инфраструктуры.

ЧТО ПОЛУЧИЛОСЬ

К тысяча девятьсот тридцать четвёртому году комитет стал называться Всесоюзным центральным комитетом нового алфавита.

Его председатель Мусабеков докладывал, что переход ускорил ликвидацию неграмотности, всеобщее обучение, печать и делопроизводство на родных языках.

Отдельно он назвал то, что сегодня кажется мелочью: телеграф, машинопись и стенографию на национальных языках. Письменность вошла в технику государства.

Но в той же записке перечислены дефекты. У некоторых народов алфавиты разрослись до тридцати девяти — пятидесяти одной буквы.

Для части малых народов создали отдельные системы там, где, по оценке комитета, можно было пользоваться более унифицированной основой.

Не была выработана единая орфография. Терминология отставала от школы, науки и административной работы.

Мусабеков предлагал уже не распространять новую графику, а превращать комитет в центр языка и письменности: орфография, терминология, литературный язык.

То есть первая задача к середине тридцатых была в основном выполнена. Именно поэтому разворот нельзя честно описывать только словом «отмена».

Отменяли инструмент, который сам государственный орган считал выполнившим значительную часть первоначальной работы.

ЦЕНА ВТОРОГО ПЕРЕХОДА

Здесь сильнейшее возражение против всей этой конструкции. Смена графики не нейтральна.

Учитель должен переучиться. Типография — получить другой шрифт. Учебники — быть набраны заново. Читателю приходится осваивать новую систему знаков.

При двух сменах за одно поколение цена удваивается.

Двадцать седьмого декабря тысяча девятьсот тридцать седьмого года Всесоюзный центральный комитет нового алфавита ликвидировали как выполнивший задачу.

Но ещё до этого начался обратный процесс.

Двадцать девятого сентября Политбюро приняло отдельные решения о переводе письменностей дагестанских народов и балкарской письменности на русскую графическую основу.

Двадцать третьего февраля следующего года Оргбюро рассмотрело переход Калмыцкой АССР с латинского на русский алфавит.

Одиннадцатого марта Центральный институт языка и письменности направил в ЦК записку сразу по карачаевцам, абазинам, ногайцам, осетинам, молдаванам и крымским татарам.

Тринадцатого марта русский язык стал обязательным предметом в школах национальных республик и областей. Это уже другая государственная задача.

Латиница облегчала создание и унификацию новых письменностей. При переходе на русскую основу в республиканских записках уже ставилась другая задача — облегчить изучение русского языка и работу внутри общего пространства.

Но причинную формулу «кириллицу ввели только ради русификации» я не ставлю. Она слишком коротка для документов.

АЗЕРБАЙДЖАН ВТОРОЙ РАЗ

Самый чистый контрольный случай — Азербайджан. Именно здесь латинизация раньше многих стала государственной практикой.

Шестнадцатого ноября тысяча девятьсот тридцать восьмого года первый секретарь республиканского ЦК Мир Джафар Багиров направил

Иосифу Сталину записку о переводе азербайджанского алфавита на русскую основу.

Архивная форма важна: предложение идёт из республиканского ЦК в союзный центр.

Багиров связывал переход с народным образованием, облегчением изучения русского языка и дальнейшим культурным ростом.

Это не доказывает, что инициатива возникла независимо от общей линии Москвы. Но и формула «республику просто поставили перед готовым приказом» для этого документа слишком сильна.

На бумаге мы видим согласование двух этажей одной власти.

КИРГИЗИЯ

Шестого июля тысяча девятьсот сорокового года Политбюро рассмотрело киргизский вопрос. Первая строка решения: утвердить просьбу ЦК компартии Киргизии о переводе письменности с латинизированного на русский алфавит.

Дальше — чистая технология перехода. Создать правительственную комиссию.

С первого сентября начать перевод обучения, прежде всего младших классов. Подготовить учителей и издать учебники.

С первого января следующего года переводить делопроизводство, общественные организации и периодическую печать.

Тот же способ, что и в двадцатые: политическое решение превращается в шрифт, школу, типографию и работу учреждения. Только направление графики обратное.

ЧТО ИЗМЕНИЛОСЬ НА САМОМ ДЕЛЕ

В тысяча девятьсот двадцать седьмом Диманштейн объяснял необходимость центра тем, что республики слишком по-разному обращаются с латинским шрифтом.

В тысяча девятьсот тридцать четвёртом Мусабеков показывал результат: около семидесяти народностей получили работающую письменную инфраструктуру.

К концу тридцатых задача государства стала другой: общий русский язык входил в обязательную школу, а национальные письменности переводились на совместимую с ним графическую основу.

Первый поворот нельзя свести к борьбе с исламом. Второй — к одному слову «русификация».

Оба объяснения описывают часть контекста и претендуют на целое.

Установленная функция проще.

Государство дважды меняло письменность, потому что дважды менялась задача связи: сначала дать массовой школе и аппарату рабочую национальную букву, затем связать эти уже построенные системы общим языковым контуром.

Мотивы отдельных решений могут быть шире. Потери от двух переломов тоже реальны.

Но один факт остаётся.

За неполные полтора десятилетия один и тот же аппарат сумел сначала перевести десятки языков на новую графику, а потом организовать второй переход.

Если букву можно дважды заменить ради работы государства, что в такой системе важнее — форма письма или функция, которую она выполняет?

Четвёртый материал сезона «Второй язык», всего 12.

В следующий раз — «двойной ключ»: почему рядом с национальным первым секретарём республики десятилетиями работал второй секретарь, связанный с союзным центром.

Второго секретаря присылали из Москвы

№ в серии: 170 из 233 · № в сезоне: 5 из 12 · Сезон: 15 «Второй язык» · Часть: II «Вертикали» ·
Дзен: 18.08.2027 · ЖЖ: 18.08.2027 · Заставка: s15_05.png · Теги: Историческая Россия, Второй
язык, союзные республики, второй секретарь, номенклатура, кадровая политика

Девятнадцатого января тысяча девятьсот шестидесятого года Леонид Брежнев председательствовал на пленуме ЦК Компартии Казахстана. Динмухамеда Кунаева избрали первым секретарём.

Вторым — Николая Родионова, до этого первого секретаря Ленинградского горкома. Один вырос внутри республики. Второй приехал с готовой биографией из другой части Союза.

ПЯТЬДЕСЯТ ВОСЕМЬ

Историк Саулюс Грибкаускас восстановил кадровые маршруты вторых секретарей двенадцати неславянских союзных республик.

С тысяча девятьсот пятьдесят пятого года до конца Союза он насчитал восемьдесят три назначения. Пятьдесят восемь человек были присланы из Москвы.

Не менее тридцати семи до этого работали непосредственно в аппарате ЦК КПСС. Второй секретарь должен был быть не местным кадром.

Инспектор или заведующий сектором сначала смотрел на республику из Москвы. Потом ехал туда вторым человеком партийной организации.

Так возникает двойной ключ. Первый секретарь представлял республиканскую номенклатуру внутри общей системы.

Второй приносил внутрь неё прямую кадровую связь с центром.

БАКУ

Первым устойчивым случаем Грибкаускас считает Азербайджан. В декабре тысяча девятьсот пятьдесят пятого года в Баку вторым секретарём направили Дмитрия Яковлева.

До этого он работал в аппарате ЦК КПСС. То есть институт нельзя объяснить только страхом перед национализмом, возникшим после беспорядков.

Центр строил новый способ связи раньше. Прежние формы были тяжелее: уполномоченный ЦК, отдельное бюро ЦК по республике, прямое внешнее управление.

Второй секретарь сидел не над республиканским ЦК, а внутри его бюро. Он голосовал вместе с остальными и вместе с ними отвечал за результат.

Контроль становился встроенным.

РИГА

Девятнадцатого марта тысяча девятьсот шестьдесят третьего года вторым секретарём ЦК Компартии Латвии стал Николай Белуха.

До Риги он работал в Ленинграде, затем инспектором ЦК КПСС и заместителем заведующего отделом по союзным республикам.

В Латвии Белуха проведёт почти пятнадцать лет. Функция включала кадры, организационную работу, промышленность и передачу позиции центра.

И обратное движение тоже существовало: второй секретарь сообщал Москве, что происходит в республике и как там читают очередное союзное решение.

Грибкаускас называет его посредником и гарантом взаимного понимания.

Оценочный термин «генерал-губернатор», который тот же автор использует в названии своей книги, я в факт не превращаю.

АЛМА-АТА

Казахстан особенно полезен потому, что ломает простую этническую схему. До Родионова вторым секретарём был Фазыл Карибжанов — казах.

В январе шестидесятого Кунаев получил в пару Родионова из Ленинграда.

Через пять лет, уже после возвращения Кунаева на пост первого секретаря, вторым по рекомендации ЦК КПСС стал Виталий Титов.

Здесь кадровый маршрут виден без толкований: республиканский лидер и внешний второй секретарь работали в одной конструкции.

Но даже в Казахстане правило работало не непрерывно. По реконструкции Грибкаускаса, институт внешнего второго секретаря здесь устойчиво действовал примерно до начала семидесятых.

Поэтому писать «так было всегда» нельзя.

ЕРЕВАН

Армения — главный контрдовод всему материалу. В феврале тысяча девятьсот шестидесятого года вторым секретарём ЦК Компартии Армении стал Яков Заробян.

Он был армянином и уже много лет работал в республиканском аппарате. В декабре того же года Заробян стал первым секретарём.

С марта тысяча девятьсот шестьдесят шестого по март семьдесят третьего вторым секретарём был Георгий Тер-Газарянц.

Тоже армянин. Тоже не московский контролёр, присланный в республику на эту должность.

После него пришёл Павел Анисимов из РСФСР. Но полностью сформированный внешний второй секретарь в классификации Грибкаускаса появляется в Армении только в тысяча девятьсот семьдесят девятом.

Двенадцатого апреля вторым секретарём избрали Геннадия Андреева.

До Еревана он восемь лет работал инструктором и заведующим сектором отдела организационно-партийной работы ЦК КПСС.

Армения оказалась последней неславянской союзной республикой, где эта конструкция стала постоянной.

Была должность. И постепенно внутри должности сформировалась специальная кадровая функция.

НЕ НАЦИОНАЛЬНОСТЬ

К тысяча девятьсот семьдесят девятому году внешний второй секретарь имелся во всех двенадцати неславянских союзных республиках.

Но её точное определение — не «русский при национале».

Первый секретарь принадлежит к титульной республиканской среде. Второй не выращен в этой же кадровой сети.

Его предыдущая карьера связана с Москвой или другой республикой. Следующая тоже не зависит от сохранения местного положения.

Поэтому у него иной горизонт интереса.

Присланный аппаратчик знает, чего центр требует, кого центр считает кадровым резервом и где решение можно провести наверх.

Два знания складывались в одну управленческую пару.

А КГБ?

Здесь возникает вторая удобная легенда. Кадровые списки республиканских органов безопасности её не подтверждают.

В Армении с тысяча девятьсот пятьдесят четвёртого по семьдесят второй КГБ возглавлял Георгий Бадамянц.

После трёхлетнего периода Аркадия Рогозина руководителями снова стали Грайр Микаелян, Мариус Юзбашян и Валерий Бадамянц.

В Грузии Алексей Инаури возглавлял республиканский КГБ с тысяча девятьсот пятьдесят четвёртого до восемьдесят восьмого года.

Органы были связаны с центром иначе. КГБ существовал как единая союзная ведомственная вертикаль и работал под непосредственным партийным руководством.

Поэтому председателю республиканского комитета не требовалось быть русским, чтобы оставаться частью общесоюзного контура.

А когда центр считал нужным, он мог направить внешнего профессионала и туда.

В сентябре тысяча девятьсот восемьдесят третьего года КГБ Узбекской ССР возглавил Владимир Головин.

До Ташкента он работал в центральном аппарате КГБ СССР, в том числе в Пятом управлении.

ЧТО ДЕРЖАЛ ВТОРОЙ КЛЮЧ

Исследование восьмидесяти трёх назначений даёт ещё один результат. Почти три четверти вторых секретарей соответствуют признаку внешнего кадра. Но четверть — нет.

И сам институт возник не одним постановлением.

Грибкаускас не нашёл решения ЦК, которым во всех республиках одновременно учреждалась бы такая система.

Она распространялась поэтапно: Азербайджан, Прибалтика, другие республики — и последней Армения.

Наоборот, это показывает аппаратную природу механизма: не конституционная должность, а повторяющаяся кадровая практика.

Её можно читать как недоверие. Можно — как ограничитель местничества.

Но есть третье описание, и оно лучше всего соответствует устройству. Второй секретарь был проводником в обе стороны.

Он ограничивал возможность замкнуть республиканский аппарат на собственные интересы и одновременно позволял центру не управлять республикой напрямую.

Это уже не приказ из Москвы и не автономия без обратной связи. Это соединитель.

Не знаю только, когда соединитель стал восприниматься как предохранитель не государства, а местной элиты от государства.

Исследования позднего периода показывают парадокс: внешний второй секретарь делил с первым ответственность и тем самым мог

укреплять устойчивость всей республиканской номенклатуры.

Если так, двойной ключ работал сразу в две стороны.

Пятьдесят восемь из восьмидесяти трёх пришли извне.

Так кого именно этот второй ключ связывал с центром — республику или её управляющий слой?

Пятый материал сезона «Второй язык», всего 12.

В следующий раз — академии наук союзных республик: зачем государство создавало полный научный этаж там, где исследовательскую задачу можно было решать союзным институтом.

Двадцать три академика в ноябре сорок третьего

№ в серии: 171 из 233 · № в сезоне: 6 из 12 · Сезон: 15 «Второй язык» · Часть: II «Вертикали» · Дзен: 20.08.2027 · ЖЖ: 20.08.2027 · Заставка: s15_06.png · Теги: Историческая Россия, Второй язык, академии наук, союзные республики, наука, национальная политика

Десятого ноября тысяча девятьсот сорок третьего года правительство Армянской ССР учредило республиканскую Академию наук. Первым президентом избрали Иосифа Орбели.

В первый состав вошли двадцать три академика. Шла война, а республика получала не факультет и не филиал, а собственное высшее научное учреждение.

Вопрос здесь не в торжественности названия. Зачем внутри одной Академии наук СССР понадобились ещё академии союзных республик?

ЕРЕВАН

Армянская академия не возникла из пустого места. В тысяча девятьсот тридцать пятом году в республике создали Армянский филиал Академии наук СССР.

Первым его возглавил геолог Франц Левинсон-Лессинг. С тысяча девятьсот тридцать восьмого года руководителем филиала был Иосиф Орбели.

К филиалу стягивали физику, математику, естественные и технические дисциплины, гуманитарные исследования и армяноведение.

Десятого ноября сорок третьего филиал превратили в Академию наук Армянской ССР.

Среди первых академиков были Манук Абегян, Грачья Ачарян, Аветик Исаакян, Артём и Абрам Алиханяны, Виктор Амбарцумян и братья Орбели.

Набор показателен. Рядом с языком и историей стояли физика, математика, биология и технические науки.

Через четыре года президентом станет Амбарцумян. При нём республиканская академия получит Бюраканскую обсерваторию и сильную астрофизическую школу.

Но обратную причинную стрелку я не ставлю: создание академии само по себе не породило эти результаты.

Оно создало организационный этаж, внутри которого институты, кадры и научные программы можно было собирать на уровне республики.

ТБИЛИСИ

Грузия прошла почти тот же маршрут раньше.

Десятого февраля тысяча девятьсот сорок первого года постановлением Совнаркома Грузинской ССР номер сто восемьдесят три была создана Академия наук Грузинской ССР.

В неё вошли учреждения Грузинского филиала АН СССР, Государственный музей, Институт геологии, Институт физиологии Ивана Бериташвили, университетские лаборатории и Институт истории грузинского искусства.

Всего на старте система объединяла четырнадцать исследовательских учреждений.

Первыми действительными членами стали шестнадцать учёных. Президентом избрали математика и механика Николая Мухелишвили.

Среди учредителей были Иван Бериташвили, Дмитрий Уznaдзе, Акакий Шанидзе, Арнольд Чикобава, Симон Джанашия и Георгий Чубинашвили.

Здесь особенно хорошо видно происхождение института. С одной стороны — университетская научная школа. С другой — филиал союзной Академии наук.

Республиканская академия не отрезала их от общего контура. Она собирала уже существовавшие учреждения в собственный центр управления наукой.

ТАШКЕНТ

Двадцать седьмого сентября тысяча девятьсот сорок третьего года Совнарком СССР постановил преобразовать Узбекский филиал АН СССР в Академию наук Узбекской ССР.

Четвёртого ноября в Ташкенте прошло её торжественное открытие. Первым президентом избрали математика Ташмухамеда Кары-Ниязова.

В первоначальный состав вошли двадцать девять ведущих учёных: одиннадцать академиков и восемнадцать членов-корреспондентов.

В тысяча девятьсот сорок третьем — сорок четвёртом годах в Академии работали десять научно-исследовательских институтов и около двухсот десяти научных сотрудников.

Институты занимались геологией, физикой и техникой, химией, энергетикой, экономикой, историей и археологией, языком и литературой.

К ним добавлялись Ташкентская астрономическая обсерватория, ботанический сад, музей, фундаментальная библиотека и издательство.

То есть слово «академия» закрывало не одну национальную гуманитарную задачу.

Оно соединяло ресурсы, воду, энергетику и геологию с историей, языком и подготовкой собственных научных кадров.

БАКУ

Двадцать третьего января тысяча девятьсот сорок пятого года Совнарком СССР решил преобразовать Азербайджанский филиал АН СССР в республиканскую академию.

Двадцать седьмого марта Совнарком Азербайджанской ССР постановлением номер триста шестнадцать юридически оформил Академию наук Азербайджанской ССР и её устав.

Тридцать первого марта первым президентом избрали Мир-Асадуллу Миркасимова.

На старте Академия имела четыре отделения и шестнадцать научно-исследовательских институтов.

В систему входили также три музея, Центральная научная библиотека и научные базы в Нахичевани, Гяндже, Ханкенди и Кубе.

В число первых руководителей вошли Шамиль Азизбеков, Гейдар Гусейнов и Мирали Кашкай.

Это уже полноценная территориальная сеть. Научный центр республики работал не только в столице и не только с её культурой.

ЧТО ИМЕННО СОЗДАЛИ

Поздний устав Академии наук Казахской ССР позволяет увидеть юридическую конструкцию без догадок.

Шестого декабря тысяча девятьсот семьдесят седьмого года Совет Министров Казахской ССР утвердил устав, принятый общим собранием Академии.

Первая строка определяла её как высшее научное учреждение Казахской ССР.

Академия подчинялась Совету Министров республики и ежегодно отчитывалась перед ним.

Но тем же пунктом руководство её деятельностью связывалось и с Президиумом Академии наук СССР.

Вот точная вертикаль. Республиканский уровень не был отделён от союзного. Союзный не заменял республиканский.

В задачи входили фундаментальные исследования, технический прогресс, изучение природных ресурсов, развитие производительных сил, экономики, культуры и искусства Казахстана.

Академия должна была координировать исследования научных учреждений и вузов республики.

Следовательно, функцию можно назвать без публицистики: собственная академия давала республике центр, который собирал её научную территорию в одну систему и одновременно оставался частью общесоюзной науки.

НЕ ГЕРБ

Здесь я отвожу удобную деталь.

Будто собственная Академия наук была обязательным атрибутом каждой союзной республики — почти как герб, флаг и Верховный Совет.

Это неверно. У РСФСР десятилетиями не существовало отдельной республиканской академии того же типа.

На её территории работала Академия наук СССР, и именно её учреждения в России стали материальной основой Российской академии наук при переустройстве тысяча девятьсот девяносто первого года.

Двадцать первого ноября указ президента РСФСР постановил восстановить Российскую академию наук как высшее научное учреждение России.

Тем же указом в её состав включались институты, лаборатории и организации АН СССР, расположенные на территории РСФСР.

Значит, академия не была юридически обязательным знаком союзной республики.

Но для многих национальных республик она стала другим: полным республиканским этажом науки со своим президентом, общим собранием, институтами, библиотеками, издательствами и программами.

КОНТРДОВОД

Есть сильное возражение. Если Академия наук СССР оставалась главным центром фундаментальной науки, зачем размножать административные структуры?

Ответ нельзя давать одним словом «национальная политика».

Часть задач была территориальной по самой природе: геология Казахстана, вода Узбекистана, нефть Азербайджана, сейсмика Армении, субтропическое хозяйство Грузии.

Другая часть требовала местного языка и собственного массива источников: история, филология, археология, искусство.

Третья была кадровой: республике требовалась среда, где исследователь мог пройти путь от института и аспирантуры до собственного академического сообщества, не уезжая навсегда в Москву или Ленинград.

Но точную иерархию мотивов создания каждой академии я не устанавливаю.

Документы хорошо показывают функцию и состав. Они хуже отвечают, почему именно в конкретном году филиал признавали созревшим для повышения статуса.

Особенно это заметно в тысяча девятьсот сорок третьем.

Армения и Узбекистан получили академии в разгар войны. Сам факт не позволяет приписать решению ни демонстративный, ни мобилизационный мотив без отдельного документа.

Можно установить только результат: война этот институциональный переход не остановила.

Десятого ноября сорок третьего Иосиф Орбели получил не декоративное звание, а республиканскую научную систему.

Так что же создавали вместе с академией — ещё одно учреждение науки или ещё один уровень самой республики?

Шестой материал сезона «Второй язык», всего 12.

В следующий раз — хлопковое дело: как центр вскрывал республиканскую вертикаль в Узбекистане и что именно обнаружил.

Шесть миллионов тонн требовали сверху.

Проверяли снизу

№ в серии: 172 из 233 · № в сезоне: 7 из 12 · Сезон: 15 «Второй язык» · Часть: II «Вертикали» · Дзен: 22.08.2027 · ЖЖ: 22.08.2027 · Заставка: s15_07.png · Теги: Историческая Россия, Второй язык, Узбекистан, хлопковое дело, приписки, коррупция, прокуратура

Двадцать седьмого апреля тысяча девятьсот восемьдесят третьего года в Бухаре задержали начальника областного ОБХСС Ахата Музафарова. Орган, который должен был ловить экономические преступления, сам оказался точкой входа в дело о взятках.

Расследование поднимется выше: горторг, областное руководство, республиканские министры, первый секретарь ЦК, затем первый заместитель министра внутренних дел СССР.

Это уже не история одного взяточника. Это проверка того, где в управленческой системе перестала работать внешняя сверка.

ШЕСТЬ МИЛЛИОНОВ

Начать надо не со следователей, а с плана.

Исследование Риккардо Куччоллы по хлопковому делу фиксирует ключевое условие десятой пятилетки: от Узбекистана требовали ежегодно шесть миллионов тонн хлопка-сырца.

Для республиканского руководства выполнение хлопкового задания было не отраслевым показателем. От него зависела оценка всей вертикали.

Значит, хозяйственной самостоятельности в буквальном смысле здесь не было. Главную цифру задавал союзный центр.

Проблема возникала ниже: кто подтверждает выполнение, кто подписывает отчёт, кто принимает сырьё, кто проверяет приписку и кто отвечает, если план не сходится с физическим урожаем.

Если эти функции замыкаются на одну кадровую сеть, план превращается из инструмента контроля в стимул к коллективному

согласованию результата.

А когда от цифры зависят должность, премия и положение начальника, у каждого следующего участника появляется причина не разрушать общую версию.

ПЕРВЫЙ ЭТАЖ

Музафаров был не директором колхоза и не секретарём райкома. Он возглавлял областной отдел борьбы с хищениями социалистической собственности.

По опубликованному впоследствии изложению материалов дела, его задержали при получении взятки. После этого следствие вышло на директора Бухарского горпромторга Шамиля Кудратова.

Подробную версию событий публиковали Тельман Гдлян и Николай Иванов — заинтересованные участники, чьё собственное следствие позднее проверяли отдельно. Поэтому их суммы и характеристики я не переношу автоматически. Для узла достаточно меньшего.

Орган местного экономического контроля оказался внутри расследуемой сети.

Если контролёр зависит от того же окружения, которое должен контролировать, система перестаёт проверять сама себя.

ОБКОМ

Одиннадцатого августа тысяча девятьсот восемьдесят четвёртого года был арестован бывший первый секретарь Бухарского обкома Абдувахид Каримов.

Его дело рассматривал Верховный суд СССР. Двадцать девятого мая тысяча девятьсот восемьдесят седьмого года был вынесен приговор.

Опубликованные выдержки из судебных материалов описывают регулярные передачи денег и товаров от подчинённых руководителей областному первому секретарю.

Здесь появляется второй этаж. Речь уже не о том, что контролёр взял деньги за отдельную услугу.

Обвинение описывало устойчивую систему отношений между торговлей, областным аппаратом и руководителями, зависевшими друг от друга по должности.

Но этот приговор нельзя превращать в доказательство вины всех, кого Каримов называл на суде. Само упоминание имени обвиняемым не равно установленному составу преступления.

РЕСПУБЛИКА

Третьего ноября тысяча девятьсот восемьдесят третьего года после смерти Шарафа Рашидова первым секретарём ЦК Компартии Узбекистана стал Инамжон Усманходжаев.

Двенадцатого января тысяча девятьсот восемьдесят восьмого года его сняли.

Двадцать седьмого декабря следующего года Верховный суд СССР приговорил бывшего руководителя республики к двенадцати годам лишения свободы.

Это уже третий уровень одной вертикали. Но именно здесь материал получает обязательный контрдовод.

Восемнадцатого ноября две тысячи шестнадцатого года Верховный суд Узбекистана отменил тот приговор и полностью прекратил уголовное дело в отношении Усманходжаева.

Следовательно, приговор нельзя использовать как печать: «вся верхушка была доказанно преступной». Один из самых высоких приговоров дела через двадцать семь лет был отменён.

Надо одновременно держать два факта: следствие действительно прошло через высшие этажи республиканского управления, и часть его выводов впоследствии не выдержала судебного пересмотра.

МОСКВА

Четвёртый этаж находился уже вне Узбекистана.

Пятого сентября тысяча девятьсот восемьдесят восьмого года Военная коллегия Верховного суда СССР начала открытый процесс над Юрием Чурбановым и ещё восемью бывшими руководителями МВД.

Чурбанов был бывшим первым заместителем министра внутренних дел СССР и зятем Леонида Брежнева. Тридцатого декабря суд огласил приговор.

Газета «Труд» на следующий день сообщала: допрошено почти двести свидетелей; Чурбанов получил двенадцать лет лишения свободы с конфискацией имущества.

Ещё шестеро подсудимых получили от восьми до десяти лет. Двоих освободили из-под стражи в зале суда.

Это показывает, что дело уже невозможно назвать исключительно «узбекским».

Обвинительная конструкция пересекла республиканскую границу и дошла до союзного МВД.

Чурбанов позднее был освобождён досрочно и помилован, но его приговор не был отменён как реабилитирующий. Здесь линия отличается от Усманходжаева.

РАШИДОВ

Вокруг хлопкового дела есть деталь, которую я сознательно отвожу.

Расхожая версия утверждает, что Шараф Рашидов тридцать первого октября тысяча девятьсот восемьдесят третьего года покончил с собой после разговора с Юрием Андроповым.

Документально это не установлено.

Официальной причиной смерти был инфаркт. Свидетельства врачей и людей, находившихся рядом, также описывают сердечный приступ.

Версия самоубийства существует в литературе, включая исторические работы, но единого доказательного основания под ней нет.

Поэтому превращать её в эффектный финал про «вождя, испугавшегося следствия», нельзя.

Для анализа механизма версия не нужна: система проверяется тем, как работали документы, контроль и суды.

ПРОВЕРЯЮЩИХ ПРОВЕРИЛИ

К тысяча девятьсот восемьдесят девятому году дело сменило ещё один уровень. Гдлян и Иванов сами стали объектом прокурорской и парламентской проверки.

Они публично обвиняли в коррупции союзных руководителей, включая Егора Лигачёва. Генеральный прокурор Александр Сухарев проверял эти заявления.

В материалах проверки фигурировал эпизод с показаниями Усманходжаева против Лигачёва, от которых тот затем отказался, заявив, что оговорил его.

Восемнадцатого апреля тысяча девятьсот девяностого года Верховный Совет СССР принял специальное постановление номер тысяча четыреста тридцать восемь — один.

Высший представительный орган не объявил всё следствие фикцией.

Но он осудил бездоказательные публичные заявления Гдляна и Иванова и потребовал увольнения руководителей прокуратуры, не обеспечивших надлежащего контроля за следственными группами и допустивших нарушения законности.

Представление Генерального прокурора о привлечении самих Гдляна и Иванова к уголовной ответственности Верховный Совет отклонил.

Получился замкнутый круг: внешний следственный контур вскрывает местную систему, переставшую контролировать себя, а затем государству приходится проверять уже самих следователей.

Это не отменяет обнаруженных взяток и приписок.

И нарушения следствия не становятся доказательством невиновности каждого осуждённого. Обе подмены одинаково неверны.

ЧТО ИМЕННО ЗАМКНУЛОСЬ

Теперь можно вернуть исходный вопрос.

Хлопковое дело не доказывает, что союзная республика получила полную хозяйственную автономию и поэтому разложилась.

По хлопку Москва как раз задавала план.

Замкнулся другой участок системы: исполнение задания, подтверждение результата, местная кадровая защита и значительная часть контроля.

А когда сеть поднялась выше, обнаружилось, что республиканской границей она тоже не заканчивается.

Поэтому формула «узбекская коррупция» слишком мала для материала. На нижнем уровне дело начиналось с начальника ОБХСС.

На областном — дошло до первого секретаря обкома. На республиканском — до первого секретаря ЦК.

На союзном — до первого заместителя министра внутренних дел СССР.

И затем государство было вынуждено проверять следователей, которые всё это вскрывали.

Вопрос не в национальности участников. Вопрос в архитектуре контроля.

Если Москва назначает шесть миллионов тонн, а достоверность выполнения подтверждается внутри сети, заинтересованной показать шесть миллионов, — где именно должен стоять внешний проверяющий, чтобы план снова стал фактом, а не договорённостью?

Седьмой материал сезона «Второй язык», всего 12.

В следующий раз — долгожители: сколько лет первые секретари республик оставались на своих местах и что несменяемость делала с республиканской вертикалью.

Четыре с половиной года стали двенадцатью

№ в серии: 173 из 233 · № в сезоне: 8 из 12 · Сезон: 15 «Второй язык» · Часть: II «Вертикали» ·
Дзен: 24.08.2027 · ЖЖ: 24.08.2027 · Заставка: s15_08.png · Теги: Историческая Россия, Второй
язык, первые секретари, номенклатура, кадры, союзные республики

Двадцать второго января тысяча девятьсот семьдесят четвёртого года в Друскининкае умер Антанас Снечкус. Первым секретарём Компартии Литвы он был с августа сорокового года.

Тридцать три с половиной года на одной верхней республиканской должности. Это крайний случай. Но статистика показывает, что к нему двигалась вся кадровая конструкция.

ЧЕТЫРЕ С ПОЛОВИНОЙ

Исследование руководителей союзных республик даёт три контрольные точки.

На первое января тысяча девятьсот шестидесятого года средний срок пребывания первого секретаря республики составлял четыре с половиной года.

Через десять лет — восемь и семь десятых. К тысяча девятьсот восьмидесятому — двенадцать лет.

Средний срок почти утроился за два десятилетия. И это уже не биография Снечкуса, а измеримый сдвиг всей системы.

НЕ «СТАБИЛЬНОСТЬ»

Здесь нужна терминологическая оговорка. В марте тысяча девятьсот шестьдесят шестого года на Двадцать третьем съезде Леонид Брежнев говорил о «доверии к кадрам».

Историк Йорам Горлицкий разводит эту формулу и более позднее выражение «стабильность кадров».

Первое было политическим принципом, второе — названием измеримого результата: снижения текучести верхних руководителей.

Поэтому фразу «Брежнев провозгласил стабильность кадров и запретил снимать руководителей» я отвожу. Такого решения не было. Была политика, при которой срок службы стал расти.

СОРОК СЕМЬ ЛЕТ НА ДВОИХ

Снечук вообще не был продуктом брежневского назначения. Он возглавил литовскую партийную организацию в тысяча девятьсот сороковом году.

Пережил войну, смерть Сталина, хрущёвскую смену кадров и первые десять лет Брежнева.

Сменил его только собственный смертный исход. После Снечука первым секретарём стал Пятрас Гришкявичюс.

Литовский особый архив показывает его путь внутри местной номенклатуры: Вильнюсский горком, отделы ЦК, снова Вильнюсский горком.

В феврале семьдесят четвёртого пленум избрал его первым секретарём. Он оставался им до смерти в ноябре восемьдесят седьмого.

Получается почти непрерывная смена из двух людей на протяжении сорока семи лет.

Это не доказывает отсутствия контроля Москвы. Напротив: центр мог считать длительное местное руководство совместимым со своим контролем.

Двадцать шестого марта тысяча девятьсот пятидесятого года первым секретарём Компартии Эстонии стал Йоханнес Кэбин.

Двадцать шестого июля тысяча девятьсот семьдесят восьмого он оставил этот пост. Двадцать восемь лет и четыре месяца.

Эстонский историк Тыну Таннберг связывает его долговечность прежде всего с устойчивыми отношениями с Москвой. Формула важная.

Долгий срок не обязательно означает сопротивление центру. Он может означать предсказуемость: первый секретарь знает республику, Москва знает первого секретаря.

Каждый новый год уменьшает информационные издержки обеих сторон. Но одновременно увеличивает цену замены.

ДВАДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ С ПОЛОВИНОЙ И ДВАДЦАТЬ ДВА

Пятнадцатого марта тысяча девятьсот пятьдесят девятого года Шараф Рашидов стал первым секретарём ЦК Компартии Узбекистана.

Он оставался им до смерти тридцать первого октября тысяча девятьсот восемьдесят третьего года. Двадцать четыре с половиной года.

В предыдущем материале я разбирала хлопковое дело и не превращала срок Рашидова в доказательство коррупции.

Долголетие показывает только время, за которое руководитель способен накопить кадровую память и сеть рабочих отношений.

За четверть века меняются министры, секретари областей, директора предприятий и начальники ведомств.

Первый секретарь остаётся точкой, через которую проходит их продвижение или согласование.

Сеть может работать как эффективная координация или защищать собственную версию происходящего от внешней проверки. Сам срок не показывает, какой режим включён.

Седьмого декабря тысяча девятьсот шестьдесят четвёртого года первым секретарём ЦК Компартии Казахстана снова стал Динмухамед Кунаев.

До этого он уже занимал пост в шестидесятом — шестьдесят втором годах.

Второй срок продлился до шестнадцатого декабря тысяча девятьсот восемьдесят шестого. Двадцать два года без перерыва.

Для сравнения: Брежнев руководил ЦК КПСС с октября шестьдесят четвёртого до ноября восемьдесят второго — восемнадцать лет.

Кунаев пережил на своём посту человека, при котором позднесоветская кадровая стабильность стала нормой. Он работал при Брежневе, Андропове, Черненко и Горбачёве.

Это собственная временная глубина республиканского этажа. Но и здесь нельзя делать следующий слишком удобный вывод.

Кунаев не владел должностью. Центр мог её прекратить — и прекратил. Что произошло после этого решения, относится уже к следующему материалу.

ЕЩЁ ЧЕТЫРЕ РЕСПУБЛИКИ

Четыре разобранных случая — не исключения из пустоты.

В Грузии Василий Мжаванадзе был первым секретарём с сентября тысяча девятьсот пятьдесят третьего до сентября семьдесят второго — девятнадцать лет.

В Таджикистане Джаббор Расулов руководил партийной организацией с апреля шестьдесят первого до смерти в апреле восемьдесят второго — почти двадцать один год.

В Азербайджане Гейдар Алиев занимал пост с тысяча девятьсот шестьдесят девятого до восемьдесят второго, после чего был переведён в союзное руководство.

В Армении Карен Демирчян находился во главе ЦК с ноября семьдесят четвёртого до мая восемьдесят восьмого.

Тринадцать с половиной лет в Армении на этом фоне уже не выглядят экстремальным сроком. Они выглядят нормальным позднесоветским сроком республиканского руководителя.

ПОЧЕМУ ЭТО РАБОТАЛО

Первый секретарь республики выполнял сразу две функции. Он проводил союзные решения вниз. И представлял республику наверху.

Чем дольше он оставался на месте, тем лучше знал хозяйство, людей и внутренние ограничения. Тем проще было Москве разговаривать с одним проверенным посредником.

В предыдущих материалах сезона мы уже видели страховку этой конструкции: внешний второй секретарь связывал бюро с центром, а над

республиканскими институтами сохранялись союзные вертикали.

Получалась не автономная республика и не область, которой командуют из Москвы напрямую. Получалась система посредников.

ЦЕНА

Сильнейшее возражение против критики долгих сроков очевидно.

Стабильность может быть достоинством: она сохраняет опыт, позволяет закончить длинные проекты и не заставляет аппарат постоянно приспособляться к новому начальнику.

Сам Брежнев в публичной формуле соединял доверие с требовательностью и прямо говорил, что доверие не означает ослабления контроля.

На бумаге конструкция замкнута правильно. Руководителя не дёргают без причины, но проверяют по результату.

Проблема начинается только там, где длительность службы меняет саму возможность такой проверки.

У нового первого секретаря есть аппарат. У первого секретаря с двадцатилетним стажем аппарат в значительной части имеет его биографию: люди назначались и росли при нём.

Это не обязательно клан и не обязательно нарушение. Но это сеть зависимости, которую внешнему контролёру приходится отличать от нормальной работы аппарата.

НЕ ПОЖИЗНЕННО

И здесь ещё одна граница.

Не все долгожители досидели до смерти. Мжаванадзе сняли, Алиева перевели в Москву, Демирчяна сменили в восемьдесят восьмом, Кунаева — в восемьдесят шестом.

Центр не потерял формального права ротации. Изменилось другое: применение этого права стало редким событием с высокой политической ценой.

Чем дольше человек представляет республику перед центром, тем меньше его замена похожа на обычное кадровое движение.

Она начинает затрагивать сеть назначений, ожиданий и балансов, сложившихся вокруг должности. Это и есть обратная сторона двенадцати лет.

ДВЕНАДЦАТЬ

В тысяча девятьсот шестидесятом средний первый секретарь союзной республики находился на должности четыре с половиной года. К тысяча девятьсот восьмидесятому — двенадцать.

Снечук просидел тридцать три с половиной. Кэбин — двадцать восемь. Рашидов — двадцать четыре с половиной. Второй срок Кунаева — двадцать два.

Я не вывожу отсюда распад Союза: между кадровой долговечностью и политическим разломом нет автоматической причинной стрелки.

Но к восьмидесятым республика всё чаще имела руководителя, который по сроку пребывания у власти был старше собственной московской вертикали.

И если такой человек одновременно был каналом центра, представителем республики и вершиной её кадровой сети, его замена переставала быть технической.

Шестнадцатого декабря тысяча девятьсот восемьдесят шестого года в Алма-Ате этот принцип проверили одним пленумом.

Что происходит, когда двадцать два года кадровой непрерывности обрывают за один день?

Восьмой материал сезона «Второй язык», всего 12.

В следующий раз — шестнадцатое декабря в Алма-Ате: почему замена Кунаева Колбиным оказалась не обычной кадровой перестановкой.

Двадцать два года закончились одним пленумом

№ в серии: 174 из 233 · № в сезоне: 9 из 12 · Сезон: 15 «Второй язык» · Часть: III «Разлом» ·
Дзен: 26.08.2027 · ЖЖ: 26.08.2027 · Заставка: s15_09.png · Теги: Историческая Россия, Второй язык, Казахстан, Алма-Ата, Желтоксан, Кунаев, Колбин

Шестнадцатого декабря тысяча девятьсот восемьдесят шестого года пленум ЦК Компартии Казахстана освободил Динмухамеда Кунаева от должности первого секретаря.

На его место избрали Геннадия Колбина.

В повестке был один организационный вопрос. По казахстанским официальным историческим материалам, всё заседание заняло около восемнадцати минут.

Двадцать два года непрерывного второго срока Кунаева закончились одним пленумом. На следующее утро площадь перед ЦК начала заполняться молодежью.

НЕ ПРОСТО «РУССКИЙ»

Самая удобная версия звучит так: казахского первого секретаря заменили русским, и поэтому начался протест. Она слишком коротка.

В предыдущем материале было другое правило: первый секретарь вырастал внутри титульной кадровой среды, а внешний человек занимал вторую позицию и связывал бюро с союзным центром.

Колбин для этой второй функции был почти учебным кадром.

С апреля тысяча девятьсот семьдесят пятого по начало восемьдесят четвёртого года он работал вторым секретарём ЦК Компартии Грузии рядом с Эдуардом Шеварднадзе.

Затем его перевели первым секретарём Ульяновского обкома. В Казахстане он прежде не работал.

Шестнадцатого декабря внешний связной кадровый тип поставили не вторым, а первым. Нарушилась не этническая формула. Нарушилась привычная архитектура двух ключей.

ВОЗРАЖЕНИЕ

Против всего этого есть сильный довод, и его надо привести целиком.

Картина «Москва свалила решение на единую республику» неверна. Республиканская верхушка была расколота, и раскол шёл открыто.

В феврале того же тысяча девятьсот восемьдесят шестого года на шестнадцатом съезде Компартии Казахстана Кунаев публично критиковал Нурсултан Назарбаев — тогда председатель Совета министров республики. Это была не кулуарная интрига, а критика с трибуны республиканского съезда.

Есть и свидетельство, что в начале того же года Кунаев сам подал Горбачёву заявление об отставке по возрасту. Оно единственное, и как установленный факт я его не провожу.

Предложение об освобождении Кунаева внёс на пленуме от имени Политбюро секретарь ЦК КПСС Георгий Разумовский. То есть процедура шла по обычной союзной схеме, а не в обход её.

Декабрьский пленум не был громом среди ясного неба. Смена готовилась почти год, и внутри республики у неё были сторонники.

Признаю силу довода и отвечаю на него одним различием.

Всё перечисленное объясняет, почему ушёл Кунаев. Оно не объясняет, почему первый ключ отдали человеку, никогда не работавшему в Казахстане.

У раскола была вторая сторона: если в республике шёл кадровый спор, у него были собственные кандидаты. Центр не выбрал ни одного из них. Он снял вопрос вместе с обеими сторонами спора — и именно это, а не отставка Кунаева, вывело людей на площадь.

ПЕРВОЕ РЕШЕНИЕ

Формально всё было безупречно. Кунаева освободил пленум республиканского ЦК. Колбина тот же пленум избрал единогласно.

Но формальная процедура не отвечает на вопрос, где родилось решение.

Постановление Президиума Верховного Совета Казахской ССР от двадцать четвёртого сентября девяностого года сформулировало оценку прямо: причиной первоначального протеста названо пренебрежение мнением населения и партийных масс республики со стороны центра.

Это поздняя республиканская оценка, а не протокол декабрьского пленума. Но она появилась ещё внутри СССР и принята государственным органом Казахской ССР.

Проблема была не в самом Колбине. Кадровое решение не объяснили республике как изменение правила, и на площади требовали именно объяснения.

СЕМНАДЦАТОЕ

Комиссия Президиума Верховного Совета Казахской ССР, работавшая в девяностом году, разделила два состояния событий.

Начальная демонстрация, по её выводу, была мирной, политической и не содержала призывов к свержению строя или выпадов против других народов.

Позднее появились драки, камни, поджоги автомобилей и другие противоправные действия части участников.

Различение обязательно. Назвать все два дня мирной демонстрацией — исчезает насилие со стороны части толпы. Назвать их с первой минуты погромом — исчезает политический протест, с которого всё началось.

Обе картинки ложны по отношению к выводам комиссии.

ВТОРОЕ РЕШЕНИЕ

Руководство республики привело в готовность гарнизон и оцепило площадь. Затем в Алма-Ату перебрасывались подразделения внутренних войск из других регионов.

Комиссия девяностого года связывала это решение с министром внутренних дел СССР Александром Власовым и настойчивыми просьбами республиканского руководства.

Саму переброску она квалифицировала как не вызывавшуюся необходимостью и не соответствовавшую процедуре чрезвычайного положения.

Это вывод комиссии, а не состоявшийся судебный приговор Власову.

Поимённо комиссия называла среди руководителей и участников принятия решений Михаила Соломенцева, Виктора Чебрикова, Филиппа Бобкова, Александра Власова, Олега Мирошхина и Геннадия Колбина.

Второй центр принятия решений уже не помещался внутри Казахстана.

Кадровый вопрос, возникший в Москве, вернулся в Москву как вопрос применения силы.

ТРИ ЧИСЛА

Состояние управления после столкновений надёжнее всего видно не в лозунгах, а в том, как государство считало задержанных.

МВД Казахской ССР сообщало о двух тысячах трёхстах тридцати шести задержанных. КГБ — о двух тысячах двухстах двенадцати. Прокуратура — о двух тысячах четырёхстах одном.

Комиссия позже пришла к выводу, что с учётом доставленных в изоляторы, спецприёмники и вывезенных за город общее число задержаний составляло около восьми с половиной тысяч.

По телесным повреждениям цифры расходились так же; комиссия оценивала число пострадавших более чем в тысячу семьсот человек.

Поздние оценки я не превращаю в поминутную статистику двух дней. Но разброс официальных ведомственных данных установлен документом комиссии.

После события государство не имело одной цифры даже о числе людей, прошедших через его собственные органы.

ДЕВЯНОСТО ДЕВЯТЬ

Судебная фаза продолжила тот же разрыв. Комиссия зафиксировала девяносто девять осуждённых по делам, связанным с декабрьскими

событиями; к моменту её работы сорок шесть были реабилитированы.

Дело Кайрата Рыскулбекова, первоначально приговорённого к смертной казни, комиссия назвала примером обвинительного следствия с недостаточной доказательной базой.

Здесь нужна граница. Позднейшая реабилитация не означает, что насилия со стороны демонстрантов не было.

Указ президента Казахстана от двенадцатого декабря девяносто первого года специально исключил из общей реабилитации осуждённых за умышленное убийство и за посягательство на жизнь милиционера или дружинника.

Государство само отделило политический протест от конкретного уголовного действия.

КВАЛИФИКАЦИЯ И ЕЁ ОТМЕНА

Первого июля восемьдесят седьмого года ЦК КПСС принял постановление о работе казахстанской парторганизации по интернациональному и патриотическому воспитанию. Документ хранится в бывшем Центральном партийном архиве: фонд семнадцать, опись пятьдесят девять, дело четыреста сорок два.

Декабрьские беспорядки получили в нём оценку как проявление казахского национализма.

Так кадровое решение было преобразовано в идеологическую квалификацию.

Центр сначала сменил первый ключ без публичного объяснения. Затем применил внешний силовой ресурс. Потом объяснил реакцию недостатками национального воспитания внутри республики.

Это уже три решения одного субъекта.

Через два года и десять месяцев тот же субъект изменил собственную оценку.

Восемнадцатого мая тысяча девятьсот девяностого года Политбюро ЦК КПСС признало характеристику декабрьских событий как проявления

казахского национализма ошибочной.

Постановление тысяча девятьсот восемьдесят седьмого года сняли с контроля.

Новая формулировка не превращала произошедшее в безупречный мирный митинг: указание на противоправные действия части молодёжи документ сохранил.

Центр исправил не факт беспорядков, а собственное обобщение, которым политический кризис был приписан национальному свойству.

Через четыре месяца Президиум Верховного Совета Казахской ССР пошёл дальше.

Двадцать четвёртого сентября он согласился в основном с выводами комиссии Мухтара Шаханова и Кадыра Мырзалиева.

Начальную фазу выступления государственный орган республики признал ненасильственной и ненационалистической.

Непосредственной причиной протеста он назвал способ назначения Колбина.

ЧТО СЛОМАЛОСЬ

У центра было полное юридическое право менять первого секретаря через партийную процедуру. У республики не было конституционного права утверждать эту кандидатуру голосованием населения.

Вопрос не в формальной компетенции. Он в накопленной практике.

Два десятилетия Кунаев был не просто первым секретарём. Он был точкой сопряжения республиканской кадровой сети с Москвой.

Внешний кадр при такой конструкции находился рядом — вторым секретарём.

В декабре восемьдесят шестого центр сохранил процедуру и изменил неписаное правило. Объяснить разницу он не успел или не счёл нужным.

Реакция пришла раньше программы и организации. Утром семнадцатого декабря не существовало народного фронта, партии или штаба, способного подготовить кампанию такого типа.

Абсолютной стихийности каждого последующего действия на площади это не доказывает. Но между пленумом и первой демонстрацией лежала одна ночь.

Шестнадцатого декабря Кунаева сменили Колбиным через привычную партийную процедуру. Семнадцатого на площадь вышли люди, требовавшие объяснения.

Первого июля следующего года центр назвал произошедшее проявлением казахского национализма, а восемнадцатого мая девяностого сам признал эту оценку ошибочной.

Четыре решения. Три года и пять месяцев между первым и последним.

Но между кадровым решением и первой реакцией — одна ночь.

Если система десятилетиями учила республику, что первый ключ растёт внутри неё, сколько времени ей нужно было дать, прежде чем однажды заменить сам ключ?

Девятый материал сезона «Второй язык», всего 12.

В следующий раз — разрешённая форма: как народные фронты Прибалтики возникли уже внутри перестроечной легальности и превратили политическое требование в организацию.

Они не брали власть. Они вошли в Советы

№ в серии: 175 из 233 · № в сезоне: 10 из 12 · Сезон: 15 «Второй язык» · Часть: III «Разлом» ·
Дзен: 28.08.2027 · ЖЖ: 28.08.2027 · Заставка: s15_10.png · Теги: Историческая Россия, Второй
язык, народные фронты, Прибалтика, перестройка, Саюдис, выборы

Пятнадцатого октября тысяча девятьсот восемьдесят восьмого года латвийская газета «Падомью Яунатне» напечатала программу только что созданного Народного фронта Латвии.

В ней стояли рядом две формулы: фронт действует демократическими, конституционно признанными методами и не стремится перенять функции государственных органов.

Через полтора года его кандидаты и сторонники получают большинство в Верховном Совете Латвийской ССР.

Между этими точками была разрешённая политическая форма, научившаяся превращать общественную поддержку в государственное решение.

ТАЛЛИН

Тринадцатого апреля тысяча девятьсот восемьдесят восьмого года Эдгар Сависаар предложил в эфире Эстонского телевидения создать Народный фронт в поддержку перестройки.

В ту же ночь возникла инициативная группа. Тридцатого апреля «Эдази» опубликовала декларацию. Народный фронт определялся как движение гражданской инициативы, реализующее волю народа через Советы и выборные органы.

Ещё одна формула была столь же прямой. Движение создавалось, чтобы содействовать необратимому осуществлению курса КПСС на обновление.

Четырнадцатого апреля декларацию передали ЦК Компартии Эстонии и Президиуму Верховного Совета Эстонской ССР с просьбой поддержать идею и опубликовать её в республиканской печати.

Первого и второго октября в таллинском Горхолле прошёл учредительный конгресс.

Право голоса имели три тысячи шестьсот двадцать семь участников, присутствовало более пятисот гостей и журналистов. Выступали Сависаар, Марью Лауристин, Виктор Пальм, Рейн Вейдеманн, Вайно Вяляс и Микк Микивер.

Конгресс принял хартию, общую программу, манифест и резолюции. У движения появились органы, делегаты и публично предъявленный способ действия.

РИГА

В Латвии путь оказался почти синхронным. После июньского пленума творческих союзов инициативная группа начала собирать Народный фронт.

К первому съезду группы поддержки объединяли более ста десяти тысяч человек.

Седьмого октября на митинг «За правовое государство» в Межапарке пришло около ста двадцати тысяч сторонников. Восьмого и девятого октября в Риге прошёл учредительный съезд.

Одним из лидеров стал журналист Дайнис Иванс, среди публичных фигур — поэт Янис Петерс. Но важнее первая программа.

Она ссылалась на решения Девятнадцатой партконференции и требовала многокандидатных выборов, разделения партийных и государственных функций, открытости Советов.

И одновременно программа требовала превратить СССР из централизованной федерации в союз суверенных государств. Компетенции Союза и республик предлагалось разграничить договором.

Республике требовались право вето по затрагивающим её интересы вопросам, собственное гражданство и прямые внешние связи.

Требования уходили далеко за техническую поддержку перестройки, но организационный способ оставался внутри легального поля.

В той же программе Народный фронт отдельно записал, что сотрудничает с Советами и государственными учреждениями и не намерен заменять их.

Организация не берёт государственную функцию. Она меняет условия, на которых эта функция должна быть избрана и осуществляться.

ВИЛЬНИУС

Третьего июня тысяча девятьсот восемьдесят восьмого года в большом зале Академии наук Литовской ССР собралось около пятисот человек.

Зигмас Вайшвила предложил избрать инициативную группу Движения за перестройку. В неё вошли тридцать пять человек. Семнадцать были членами Компартии Литвы.

Среди участников были Витаутас Ландсбергис, Ромуалдас Озолас и Казимира Прунскене.

Академия наук, созданная как республиканский институт советской системы, стала площадкой для новой политической организации.

Двадцать второго и двадцать третьего октября учредительный съезд Саюдиса прошёл во Дворце спорта в Вильнюсе.

По данным мандатной комиссии, участвовал тысяча двадцать один делегат и около четырёх тысяч гостей. Съезд принял программу из девяти разделов, устав и тридцать резолюций.

В документах стояли государственность, экономическая самостоятельность, язык, гражданство и суверенитет Литвы.

Устав создавал организационную структуру движения. Но формальная юридическая регистрация Саюдиса последовала только шестнадцатого марта восемьдесят девятого года — уже перед выборами народных депутатов СССР.

НЕ ПОДПОЛЬЕ

Здесь я отвожу самую эффектную версию.

Будто народные фронты Прибалтики с первого дня были замаскированными организациями выхода из СССР, которым перестройка только дала удобную вывеску.

Первые документы этого не подтверждают. Эстонский фронт возник под названием движения в поддержку перестройки и просил поддержки ЦК Компартии и Президиума Верховного Совета.

Латвийская программа прямо опиралась на решения Девятнадцатой партконференции и не претендовала на функции государственных органов.

Саюдис назывался Движением за перестройку; почти половина его первой инициативной группы состояла в Компартии.

Это не означает отсутствия идеи независимости у отдельных участников или медленной радикализации.

Означает одно: конечную программу девяностого года нельзя механически вклеивать в весну восемьдесят восьмого.

Политическая траектория тоже имеет даты.

ВОЗРАЖЕНИЕ: ЛЕГАЛЬНОСТЬ БЫЛА ФОРМАЛЬНОЙ

Есть встречный аргумент, и он серьезнее предыдущего.

Легальность фронтов была формальной. По способу действия — да, конституционная; по содержанию требований — нет.

Достаточно перечитать латвийскую программу.

Превратить СССР из централизованной федерации в союз суверенных государств. Разграничить компетенции договором. Право вето по затрагивающим республику вопросам. Собственное гражданство. Прямые внешние связи.

Ни одно из этих требований не помещалось в действовавшую Конституцию СССР. Их исполнение означало не поправку, а замену конструкции союзного государства.

Значит, различие между «поддержкой перестройки» и «программой отделения» проходит не там, где его проводит первый документ

движения. Форма была разрешённой, содержание — уже нет.

Признаю силу довода и отвечаю двумя уточнениями.

Первое. Требование союза суверенных государств не равно требованию выхода. Договорную федерацию обсуждал и сам центр: тот же предмет через два года лёг в основу ново-огарёвского процесса.

Программа Народного фронта Латвии осенью восемьдесят восьмого требовала другого распределения полномочий внутри Союза, а не его прекращения.

Второе. Формальность легальности проверяется поведением, а не текстом. Фронты не пошли ни в подполье, ни на улицу за властью. Они пошли на выборы и получили полномочия по действующим правилам.

Отсюда и второе замечание, уже не в пользу самих фронтов. Легальность была не единственным политическим режимом поздней перестройки и не нейтральной свободой для всех.

Более радикальные движения раньше ставили вопрос о независимости и имели иной доступ к печати, телевидению и официальным площадкам.

В Эстонии исследователи отмечают преимущество Народного фронта: доступ к массовой информации при изоляции части диссидентских групп.

Разрешённая форма оказалась двусторонней. Сначала она служила каналом расширения социальной опоры реформы; затем движение получило аудиторию, а аудитория — организацию.

БЮЛЛЕТЕНЬ

Самое важное произошло после съездов. Двадцать шестого марта тысяча девятьсот восемьдесят девятого года Саюдис участвовал в выборах народных депутатов СССР.

Из тридцати девяти поддержанных им кандидатов победили тридцать шесть.

Голос превращался в мандат внутри союзного законодательного механизма. Через год процесс перешёл на республиканский уровень.

К десятому марта девяностого года в Литве избрали сто тридцать три депутата Верховного Совета; сто два получили поддержку Саюдиса.

В Латвии Народный фронт и его сторонники получили большинство мандатов в Верховном Совете.

В Эстонии список Народного фронта получил сорок пять мест из ста пяти — больше любого другого списка. Эдгар Сависаар затем возглавил правительство.

Ни в одном случае движение не назначало себя властью. Оно вошло в существующий Совет через изменённые правила выборов и уже внутри государственного органа стало менять курс.

ЧТО ИМЕННО РАЗРЕШИЛИ

Перестроечная легальность открыла пространство не только для речи. Она разрешила организацию: постоянный аппарат, местные группы, программу, прессу, кандидатов и дисциплину совместного решения.

Митинг может собрать сто тысяч человек и разойтись. Фронт способен на следующий день открыть штаб.

Через месяц — провести съезд. Через полгода — выставить кандидата. Через два года — сформировать большинство или крупнейшую фракцию в республиканском Совете.

Вот где проходит граница между общественным настроением и альтернативным политическим центром.

Называть фронты «альтернативной властью» уже осенью восемьдесят восьмого неточно: государственных полномочий у них ещё не было.

Они получили разрешённый механизм превращения массовой поддержки в будущие полномочия. И он сработал.

ТРИ СЪЕЗДА

Второго октября Эстонский народный фронт принял программу в Таллине. Восьмого и девятого октября Народный фронт Латвии оформил программу в Риге.

Двадцать второго и двадцать третьего октября Саюдис сделал то же в Вильнюсе.

Все три движения возникли внутри перестройки, использовали официальные залы, печать, выборы и Советы — и получили собственный общественный мандат.

Государство разрешило форму, рассчитанную на участие общества в перестройке.

Но если разрешённая форма позволяет обществу выставить собственного кандидата, выиграть у партийного кандидата и провести своё решение через Верховный Совет — где заканчивается поддержка реформы и начинается другой источник власти?

Десятый материал сезона «Второй язык», всего 12.

В следующий раз — шесть республик вне бюллетеня: что именно показал референдум семнадцатого марта и почему список тех, кто его не проводил, важнее одной итоговой цифры.

Вторая строка протокола

№ в серии: 176 из 233 · № в сезоне: 11 из 12 · Сезон: 15 «Второй язык» · Часть: III «Разлом» · Дзен: 30.08.2027 · ЖЖ: 30.08.2027 · Заставка: s15_11.png · Теги: Историческая Россия, Второй язык, СССР, референдум, 1991, союзные республики, суверенитет

Двадцать шестого марта тысяча девятьсот девяносто первого года Центральная комиссия референдума СССР опубликовала окончательный протокол голосования семнадцатого марта.

В первой строке результата — сто тринадцать миллионов пятьсот двенадцать тысяч восемьсот двенадцать голосов «за».

В другой части того же документа — шесть республик, где центральные республиканские комиссии вообще не были созданы.

Голосование назначал Верховный Совет СССР, постановление подписал Анатолий Лукьянов, президентом страны был Михаил Горбачёв. Обе строки — официальный итог их референдума.

И вторая для устройства Союза говорит не меньше первой.

ЧТО СПРОСИЛИ

Шестнадцатого января Верховный Совет назначил голосование на всей территории страны.

Вопрос оказался длиннее привычной формулы «за СССР или против».

Граждан спрашивали о сохранении СССР как обновлённой федерации равноправных суверенных республик с гарантированными правами и свободами человека любой национальности.

Принятый двадцать седьмого декабря закон устанавливал: решение референдума окончательно, обязательно на всей территории СССР и меняется только новым референдумом.

Двадцать первого марта Верховный Совет подтвердил, что понимает результат именно так. Это не был социологический опрос.

Но формула «весь советский народ ответил на один вопрос» требует проверки по самому протоколу.

ДЕВЯТЬ

Центральные республиканские комиссии работали в РСФСР, на Украине, в Белоруссии, Узбекистане, Азербайджане, Киргизии, Таджикистане и Туркмении.

Казахстан участвовал девятым, но с собственной формулировкой. По предложению Верховного Совета Казахской ССР граждан спрашивали о сохранении Союза ССР как Союза равноправных суверенных государств.

Слово «социалистических» из республиканского вопроса исчезло, а «республики» стали «государствами».

Президентом республики был Нурсултан Назарбаев. Президиум Верховного Совета попросил включить казахстанский результат в общесоюзный итог, и Центральная комиссия согласилась.

«За» ответили девяносто четыре и одна десятая процента участвовавших.

Следовательно, сто тринадцать с половиной миллионов включают голоса по двум различным формулировкам. Итог реален, но это не сумма совершенно одинаковых бюллетеней.

ШЕСТЬ

Теперь вторая половина протокола. Грузия, Литва, Молдавия, Латвия, Армения и Эстония центральные республиканские комиссии не создали.

Двадцать пятого февраля союзный Верховный Совет объявил решения, блокирующие референдум, незаконными. Требование создать республиканские комиссии выполнено не было.

Тогда округа и участки создавали местные Советы, трудовые коллективы, общественные объединения и воинские части. Центральная комиссия СССР их регистрировала.

Поэтому «шесть республик не голосовали» — тоже неточно. Как республики не проводили; на части территории голосовали.

У трёх прибалтийских республик к марту уже был собственный контур.

Одиннадцатого марта девяностого года Верховный Совет Литвы во главе с Витаутасом Ландсбергисом провозгласил восстановление независимого государства.

Девятого февраля девяносто первого республика провела своё голосование о независимой демократической Литве: более девяноста процентов участников ответили «да».

Третьего марта собственные референдумы о восстановлении независимости провели Эстония и Латвия.

Верховный Совет Эстонии возглавлял Арнольд Рюйтель, Народный фронт Эдгара Сависаара уже стал крупнейшей силой в Совете. Латвийский Верховный Совет возглавлял Анатолий Горбунов.

Общесоюзных комиссий в этих трёх республиках не было. Но на местных союзных участках проголосовали: в Литве почти пятьсот тысяч человек, в Латвии более четырёхсот тридцати тысяч, в Эстонии более двухсот тысяч.

Больше девяноста пяти процентов из них ответили «да».

Один март дал два контура сразу. Республиканский спрашивал о восстановлении государства, союзный — о сохранении СССР.

ГДЕ РАЗРЫВ ПРОШЁЛ ВНУТРИ РЕСПУБЛИКИ

В Грузии и Молдавии рисунок другой, и он резче.

Звиад Гамсахурдия уже возглавлял Верховный Совет Грузии и готовил собственный референдум о независимости — он состоится тридцать первого марта, через две недели после союзного. Общегрузинской комиссии не было.

Но Абхазская АССР голосовала. Из ста шестидесяти шести тысяч участников более ста шестидесяти четырёх тысяч ответили «да». Отдельно союзный протокол учёл ещё около сорока четырёх тысяч проголосовавших на грузинских участках.

Верховный Совет Абхазии возглавлял Владислав Ардзинба. Тбилиси и Сухуми действовали уже в разных политико-правовых логиках, и

референдум этот разрыв измерил.

В Молдавской ССР центральную комиссию тоже не создали; председателем Верховного Совета был Мирча Снегур. На местных участках проголосовали более семисот тысяч человек, почти шестьсот девяносто тысяч ответили «да».

Значительная часть этих участков находилась в Приднестровье и Гагаузии, конфликтовавших с Кишинёвом. Одним из лидеров приднестровской власти был Игорь Смирнов.

Республиканский центр отказывается проводить союзное голосование — часть территории организует его напрямую, минуя республику.

ЧЕТЫРЕ ТЫСЯЧИ ДЕВЯТЬСОТ ДВАДЦАТЬ ТРИ

Армения даёт предельный случай. Верховный Совет Левона Тер-Петросяна общесоюзную комиссию не создал.

В союзном протоколе по Армении в списках местных участков всего четыре тысячи девятьсот двадцать три человека. Проголосовали три тысячи пятьсот сорок девять.

Это и есть граница метода. Общесоюзный знаменатель нельзя называть списком всех граждан СССР, имевших право голоса.

СТО ВОСЕМЬДЕСЯТ ПЯТЬ МИЛЛИОНОВ

Центральная комиссия сообщила: в списки включено сто восемьдесят пять миллионов шестьсот сорок семь тысяч триста пятьдесят пять человек. Проголосовали сто сорок восемь миллионов пятьсот семьдесят четыре тысячи шестьсот шесть.

«Да» — сто тринадцать миллионов пятьсот двенадцать тысяч восемьсот двенадцать. Семьдесят шесть и четыре десятых процента участвовавших.

Первая цифра — не перепись всех советских избирателей, а сумма реально сформированных списков: полных в девяти республиках и частичных в остальных.

Армянские четыре тысячи девятьсот двадцать три делают эту границу видимой. Поэтому Центральная комиссия и писала не о всех гражданах СССР, а о доле принявших участие.

Пересчитывать эти голоса как долю всего советского электората нельзя: протокол не даёт полного знаменателя по шести республикам.

ВОЗРАЖЕНИЕ

Против всего сказанного есть сильный довод, и его надо привести целиком.

Если вторая строка протокола показывает разрушение государственного механизма, то первая показывает обратное.

Во всех девяти республиках с полноценным контуром большинство участников поддержало сохранение Союза. В том числе в РСФСР, на Украине и в Белоруссии — там, где жило подавляющее большинство населения страны.

Механизм работал везде, где ему дали работать, и давал определённый результат.

Больше того. В шести республиках без комиссий союзный центр всё равно достал до избирателя — через местные Советы, трудовые коллективы и воинские части, поверх головы республиканской власти.

Полтора миллиона человек в этих шести проголосовали не благодаря республике, а вопреки её решению.

Это довод не в пользу распада, а в пользу того, что союзная вертикаль ещё действовала и имела прямой выход на гражданина.

Признаю его силу и отвечаю одним уточнением.

Механизм действительно работал — но только там, где республика не возражала, и в обход там, где возражала. Обходной путь потребовался в шести случаях из пятнадцати.

И ни в одном из шести он не дал республиканского результата, который можно было бы предъявить как итог по республике.

Четыре тысячи девятьсот двадцать три человека по Армении — это не результат Армении. Это результат тех участков, до которых центр дотянулся сам.

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ

Двадцать первого марта Верховный Совет СССР велел органам Союза и республик руководствоваться результатом как окончательным и обязательным.

Одновременно Комитету конституционного надзора поручили проверить республиканские акты, ограничившие участие граждан.

Юридическая норма оставалась общей. Механизм её исполнения — уже нет.

ЧТО ПОКАЗАЛ МАРТ

Литва, Латвия и Эстония к семнадцатому марта уже провели собственные голосования о государственном будущем. Грузия проведёт своё через две недели, Армения — позже в том же году.

В Молдавии союзное голосование сосредоточилось там, где территории спорили уже с республиканской властью.

Это не шесть одинаковых отказов, а шесть случаев, когда республика сама решала, какой референдум проводить и чью комиссию признавать.

Федеральная конструкция к марту девяносто первого получила практическое следствие.

Республика могла сказать центру: этого голосования у нас не будет. Центр мог объявить решение незаконным — и всё равно не создать республиканскую комиссию вместо неё.

Сто тринадцать с половиной миллионов показывают, чего хотели пришедшие к союзному бюллетеню.

Шесть отсутствующих комиссий показывают, что происходило уже с самим государственным механизмом.

Что для целостности страны опаснее — меньшинство, голосующее «нет», или республика, уже сама решающая, какой общегосударственный вопрос попадёт к её избирателю?

Одиннадцатый материал сезона «Второй язык», всего 12.

В следующий раз — дверь, которой не воспользовались: какая юридическая процедура выхода республики из СССР действовала с апреля девяностого и почему события пошли мимо неё.

Две трети от всего списка. Армения взяла девяносто четыре процента

№ в серии: 177 из 233 · № в сезоне: 12 из 12 · Сезон: 15 «Второй язык» · Часть: III «Разлом» · Дзен: 01.09.2027 · ЖЖ: 01.09.2027 · Заставка: s15_12.png · Теги: Историческая Россия, Второй язык, СССР, выход из СССР, союзные республики, Армения, Прибалтика

Третьего апреля тысяча девятьсот девяностого года Михаил Горбачёв подписал закон о порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР.

В нём было двадцать статей. Последняя устанавливала точку выхода: решение Съезда народных депутатов СССР после согласования всех интересов.

До двадцатой статьи не дошла ни одна республика.

Но дверью пользовались. Одна республика прошла по этому закону дальше всех, и её результат считается арифметически.

ДО ЗАКОНА

Первой проверкой стала Литва.

Одиннадцатого марта тысяча девятьсот девяностого года Верховный Совет во главе с Витаутасом Ландсбергисом провозгласил восстановление независимого Литовского государства.

Литовская конструкция была принципиальной: республика не объявляла выход из федерации, а утверждала продолжение государства, существовавшего до сорокового года.

Через четыре дня Третий съезд народных депутатов СССР признал решения литовского Верховного Совета не имеющими законной силы.

И тем же постановлением подтвердил право союзной республики на свободный выход по семьдесят второй статье Конституции СССР.

Спор шёл уже не о существовании права, а о процедуре и о том, кто определяет её законность.

Через девятнадцать дней процедура появилась.

ШЕСТЬ МЕСЯЦЕВ И ДВЕ ТРЕТИ

Вторая статья начиналась с референдума. Решение принимал Верховный Совет республики — сам или по требованию одной десятой части постоянно проживающих избирателей.

Голосование проводилось не ранее чем через шесть и не позднее чем через девять месяцев после постановки вопроса.

Шестая статья устанавливала порог. Выход считался одобренным, если «за» проголосовали не менее двух третей **всех имеющих право голоса** — а не двух третей пришедших.

Это высокий порог. Но это не запрет, и разница здесь принципиальная.

ЕРЕВАН

Первого марта девяносто первого года Верховный Совет Республики Армения принял постановление о проведении референдума — в тексте прямо: о выходе из состава СССР.

Председателем Верховного Совета был Левон Тер-Петросян, секретарём — Ара Саакян.

Вопрос сформулировали без обиняков: согласны ли граждане, чтобы Армения была независимым демократическим государством вне состава СССР.

Дату назначили на двадцать первое сентября — внутри предусмотренного законом интервала в шесть — девять месяцев.

Двадцать пятого марта отдельное заключение отметило соответствие союзному закону по инициатору и по сроку.

В августе Тер-Петросян просил Анатолия Лукьянова обеспечить наблюдателей Союза, республик и международных представителей — в порядке, предусмотренном тем же законом.

Это уже не ссылка на процедуру. Это работа внутри неё.

Двадцать первого сентября референдум состоялся. В списках было свыше двух миллионов ста шестидесяти тысяч избирателей. «За» — более двух миллионов сорока тысяч.

Девяносто четыре процента от всего списочного состава при требуемых шестидесяти семи. Через два дня Верховный Совет Армении провозгласил независимость.

ВОЗРАЖЕНИЯ

Против этого счёта есть два довода, и оба надо привести в полную силу.

Первый. Диссидент Паруйр Айрикян позднее утверждал, что «за» проголосовали не девяносто пять процентов, а восемьдесят шесть, и называл референдум подтасованным.

Айрикян — сторона политического спора, и его оценку я не беру как установленную.

Но проверить её на прочность можно: даже восемьдесят шесть процентов выше требуемых двух третей. Порог шестой статьи выдерживается в обеих версиях счёта.

Второй довод серьезнее. Третья статья требовала отдельного референдума в автономных республиках, областях и округах: их население решало само, остаться в Союзе или уйти вместе с республикой.

Для компактно проживающих национальных групп результаты учитывались отдельно.

Для Грузии это означало отдельный вопрос по автономиям. Для Азербайджана — по Нагорно-Карабахской автономной области.

То есть для части республик дверь была узкой настолько, что проход через неё зависел не от них.

Вывода, что закон писался ради блокирования выхода, я отсюда не делаю: документ фиксирует функцию, а не скрытый мотив.

Функция же читается прямо. Республика не могла выйти, автоматически унеся с собой все автономии без отдельного учёта их воли.

НЕ ПЯТЬ ЛЕТ

Есть и удобная легенда с обратным знаком. Будто закон требовал после референдума ждать ровно пять лет, а потому законным путём выйти было

практически невозможно.

Это неверно.

Девятая статья позволяла установить переходный период **не более** пяти лет. Двадцатая прямо допускала досрочное урегулирование.

Пять лет были потолком, а не обязательной паузой.

КОРИДОР

Задач при этом действительно было много.

Закон требовал согласительных комиссий Союза, других республик и выходящей республики.

Определить полагалось судьбу общесоюзной собственности, военных объектов, границ, транспорта, связи, трубопроводов, банковских расчётов, бюджета, международных договоров, гражданства и социальных обязательств.

После урегулирования Верховный Совет СССР должен был снова созвать Съезд. Только его решение завершало выход: депутаты СССР от республики теряли полномочия, Конституция менялась.

Это была не дверь с одним замком. Это был коридор из нескольких последовательных решений.

ШЕСТОЕ СЕНТЯБРЯ

Ещё до армянского референдума государство пустило в ход другой механизм.

Шестого сентября Государственный Совет СССР признал независимость Литвы, Латвии и Эстонии. Три постановления почти одинаковы: учитывая особую историческую и политическую обстановку вхождения в СССР, независимость признаётся.

И только после этого предписывались переговоры о гражданах, границах, военных, экономических и гуманитарных вопросах.

Предмет апрельского закона сохранился, но последовательность стала обратной. Сначала признание, потом урегулирование.

Для Литвы, Латвии и Эстонии различие не было техническим. Их доктрина строилась на восстановлении государств, существовавших до присоединения к СССР.

Советская позиция была противоположной: это союзные республики, связанные Конституцией до завершения процедуры выхода.

Эти две правовые конструкции нельзя механически сложить в одну. Шестого сентября союзный центр не свёл их, а обошёл — решил вопрос политическим признанием, минуя двадцатую статью.

Почему выбрали этот путь, а не довели дело до Съезда, документы не объясняют. Постановления ссылаются на особую обстановку и мотивировочного ряда не раскрывают. Я его не достраиваю.

ДЕКАБРЬ

Армения дошла до порога и остановилась не сама.

Дальше требовались союзное рассмотрение, согласительные процедуры и конечное решение Съезда. Времени не осталось: между армянским референдумом и Беловежским соглашением прошло меньше трёх месяцев.

Восьмого декабря Борис Ельцин, Леонид Кравчук и Станислав Шушкевич подписали соглашение о создании Содружества Независимых Государств.

РСФСР, Украина и Белоруссия не оформляли три отдельные процедуры выхода. Они констатировали прекращение существования СССР как субъекта международного права и геополитической реальности.

Объект действия переменился. Не «республика выходит», а «Союз прекращается».

Через тринадцать дней в Алма-Ате к конструкции присоединились ещё восемь республик — среди подписавших Нурсултан Назарбаев, Левон Тер-Петросян, Ислам Каримов, Аскар Акаев, Сапармурат Ниязов и Мирча Снегур.

Декларация повторила: с образованием Содружества СССР прекращает существование.

Двадцать шестого декабря Совет Республик Верховного Совета СССР принял декларацию номер сто сорок два — Н и констатировал прекращение существования СССР как государства и субъекта международного права.

Съезд не принимал отдельных финальных решений ни по Армении, ни по Украине, ни по Белоруссии, ни по Казахстану.

Исчез сам субъект, из которого закон предлагал выходить по одной республике.

ДВЕРЬ

Право на выход стояло в Конституции. С апреля девяностого года процедура была расписана в двадцати статьях.

Литва отказалась в неё входить, считая себя не выходящей, а восстанавливающей государство. Прибалтийские республики Союз признал через другой механизм.

Остальные к декабрю договаривались уже не об индивидуальном выходе, а о прекращении самого Союза.

Одна Армения прошла по закону столько, сколько он позволял пройти в одиночку: назначила референдум в срок, вынесла вопрос в предписанной формулировке и взяла порог с запасом в двадцать семь процентов.

Дальше требовалась вторая сторона. Съезд, комиссии, согласование. Их не стало раньше, чем Армения успела до них дойти.

Государство прописало порядок разъединения тогда, когда республиканские этажи уже умели назначать референдумы, считать голоса и оспаривать союзную компетенцию.

И само исчезло за двадцать месяцев — быстрее, чем завершилась хотя бы одна предусмотренная им процедура.

Дверь была настоящей. Некому оказалось открыть её с той стороны.

Что это говорит о здании, в котором единственный законный выход перестал работать раньше, чем им успели воспользоваться?

Двенадцатый, заключительный материал сезона «Второй язык».

СЕЗОН 16 · «ХЛЕБ»

Материалов в сезоне: 12 · **Сквозные № :** 178–189 · **Дзен и ЖЖ (параллельно):** 03.09.2027 — 25.09.2027, через день · **Анонс сезона:** 02.09.2027 · *текст анонса не написан*

Структура: Часть I «Двор» (178–181) · Часть II «Слом» (182–185) · Часть III «Двор без права» (186–189)

Редакция: после финальной сверки.